

А.С. Матвеев

ТРАНСАРАВИЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ И МИССИЯ МУХАММАДА: О ПРИЧИНАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИСЛАМА И ГОСУДАРСТВА В АРАВИИ

Статья посвящена проблеме возникновения ислама и государства в Аравии в начале VII в. и роли в этом процессе трансаравийской торговли.

В исследовании предпринята попытка выявить причины возникновения новой религии и государства, объединившего Аравийский полуостров. В этой связи рассматривается специфика кочевого общества Аравии и, в частности, место, которое трансаравийская торговля благовониями и другими восточными товарами занимала в обеспечении кочевников и жителей оазисов необходимыми им дополнительными ресурсами. В качестве отправной точки для изменений, произошедших в жизни кочевой Аравии накануне возникновения ислама, рассматривается социально-экономический кризис, вызванный прекращением в конце VI в. традиционной трансаравийской торговли в результате оккупации Йемена Сасанидами в рамках борьбы Византии и Ирана за контроль над торговыми путями. В этом контексте внимание уделено и т.н. «мекканской торговле» местными аравийскими товарами, получившей развитие в условиях прекращения прежней транзитной торговли предметами роскоши. Также рассматриваются основные проблемы, с которыми столкнулся Мухаммад при создании новой формы организации общества и объединения Аравии.

Ключевые слова: Аравия, ислам, кочевники, торговля благовониями, восточная торговля, проблемы образования государства.

Alexander S. Matveev

TRANSARABIAN TRADE AND THE MISSION OF MUHAMMAD: ON THE REASONS OF THE ESTABLISHMENT OF THE ISLAMIC RELIGION AND STATE IN ARABIA

The study explores the reasons of the rise of the new religion and state in Arabia, of which the establishment had brought political unity to the Peninsula in the 7th century AD. In this context, the specifics of the nomadic society of ancient Arabia are examined. In particular, the role of trans-Arabian trade in incense, spices and other Eastern goods in the economy of the nomads and the settled population of the oases is discussed. The socioeconomic crisis caused by the seizure of the traditional trans-Arabian trade as a result of the occupation of Yemen by the Sassanids is regarded as the starting point for changes to come. Meccan trade in local Arabian goods, which developed in the absence of the traditional transit trade in luxury good, receives attention in this respect.

Key words: Arabia, Islam, nomads, trade in incents, Eastern trade, state formation.

Мало кто из отечественных востоковедов столь глубоко и всесторонне изучал Южную Аравию, как Михаил Анатольевич Родионов, так что лишь немногие специалисты могут предложить для юбилейного сборника достойную работу по данной тематике. Тем не менее судьба практически каждого арабиста ленинградской / петербургской школы в той или иной мере связана с этим регионом. И я тоже не являюсь исключением: мне довелось быть в Северном Йемене в конце 1980-х — начале 1990-х годов (и даже присутствовать на церемонии провозглашения единого Йемена), но, к сожалению, лишь на практической работе. Мои дальнейшие штудии оказались связаны с иными регионами Ближнего Востока, тем не менее одна из интересующих меня тем — проблема образования государства, в первую очередь в Аравии, — неожиданным образом привела меня из «Пустынной Аравии» обратно в «Счастливую Аравию», заставив обратиться к борьбе Византии и Сасанидского Ирана за контроль над «восточной торговлей» и связанной с ней аравийской торговлей благовониями¹. Для данного сборника я решил выбрать наиболее важную тему из этого «цикла»: причины возникновения государства в Аравии в начале VII в. и роль Южной Аравии и трансаравийской торговли этом процессе². Надеюсь, что этот сюжет впишется в тематику юбилейного сборника.

Причины возникновения государства в Аравии в начале VII в. — процесса, принявшего форму создания новой религии и религиозной общины мусульман (уммы) во главе с Мухаммадом, являются давним предметом научных дискуссий. В последние четверть века, однако, эта тема перестала быть особенно актуальной³, но вовсе не в связи с окончательным решением самой

¹ Эти вопросы затрагивались мною на ряде конференций, однако пока не нашли отражения в публикациях помимо тезисов [Matveev 2010; Матвеев 2012].

² В основу статьи положен доклад, прочитанный на традиционной конференции по историографии и источниковедению на Восточном факультете СПбГУ в 2015 г. [Матвеев 2015 а].

³ Последние серьезные работы на эту тему вышли в начале 1990-х годов, например, сборник «Племена и сложение государства на Ближнем Востоке» [Tribes... 1990]. Впрочем, несмотря на многообещающее название, речь там идет главным образом об отношениях племен и государства в мусульманской истории; специфика деятельности Мухаммада лишь вскользь упомянута во вводной обзорной

проблемы. Скорее это обусловлено тем, что наиболее активно вопрос о создании *государства* обсуждался в рамках ушедшего в прошлое марксистского дискурса, уделявшего большое внимание поиску общих, социально-экономических причин исторических явлений, в то время как сегодня более популярен «цивилизационный» подход, имеющий несомненные достоинства, однако снимающий саму вышеупомянутую проблему. Возникновение ислама становится естественной стартовой точкой возникновения арабской / исламской «цивилизации», событием по определению уникальным, а не стадийно обусловленным.

Между тем деятельность Мухаммада обычно рассматривается с точки зрения возникновения *ислама* как религии. Для мусульман Мухаммад, естественно, является Пророком Божиим, принесшим арабам истинную веру, для немусульман — создателем новой мировой монотеистической религии. Однако в той исторической реальности, в которой Мухаммад жил, кроме чисто религиозных вопросов он решал (и в целом решил) еще и конкретную *социально-политическую* задачу, стоявшую перед арабами того времени: создание *государства* в Аравии и *объединение* в его рамках всего Аравийского полуострова. Другое дело, что процесс возникновения *государства* принял конкретную *форму* возникновения новой религии, на базе которой была создана религиозная община мусульман, ставшая первоосновой, ядром *государства* и объединившая вокруг себя все аравийские племена.

Разумеется, с точки зрения дня сегодняшнего, создание мировой религии с полутора миллиардами последователей несоизмеримо по масштабу с созданием государства арабов, даже такого

статье Лapidус [Lapidus 1990: 30], а также в работе Бассама в рамках обзора мнений предшественников о развитии исламского общества [Tibi 1990: 133–136]. Пожалуй, последней серьезной работой на интересующую нас тему была статья Хазанова, опубликованная в 1993 г.: А. Khazanov «Muhammad and Jenghiz Khan Compared: The Religious Factor in World Empire Building» [Khazanov 1993]. Попытка «естественнонаучно-математической» команды во главе с А.В. Коротаевым пересмотреть вопрос возникновения ислама, связав его с пиком тектонической активности в VI в., является чистой спекуляцией, не базирующейся на изучении источников (авторами привлекаются лишь некоторые данные и выводы нескольких современных исследователей), так что данная брошюра, к тому же содержащая большое количество фактических неточностей, едва ли может быть отнесена к строго научным публикациям [Коротаев и др. . 2007].

значительного, как Арабский халифат, поэтому светскому аспекту миссии Мухаммада всегда уделялось существенно меньше внимания, чем религиозному. Тем не менее вопросы собственно *процесса* возникновения государства и тех проблем, которые стояли перед Мухаммадом, их отражения в Коране и других источниках получили достаточно широкое освещение в работах знаменитых арабистов ленинградской школы: П.А. Грязневича, М.Б. Пиотровского, Е.А. Резвана и др.⁴ Однако вопросу о непосредственных *причинах* возникновения государства в Аравии повезло меньше.

* * *

В западной историографии высказывались различные точки зрения относительно причин возникновения *ислама*, обзор которых мог бы стать темой самостоятельной работы. При этом вопросы создания собственно *государства* обычно рассматривались *in passim*, поскольку этот аспект специально не выделялся из общей проблематики возникновения новой *религии*, либо, при альтернативном подходе, рассматривался как исходная точка для изучения феномена «арабских завоеваний» (например [Donner 1981; Donner 2008 a]). Достаточно упомянуть такие разные интерпретации, как «экологическая», предложенная еще Каэтани (и затем продолженная Бекером [Becker 1913: 329–332; Becker 1924]), объяснявшая интересующие нас события постепенным ростом засушливости климата Аравии, что вынудило ее обитателей начать внешнюю экспансию, и «социально-экономическая», разработанная М. Уоттом, который отрицал роль климатического фактора и объяснял феномен возникновения ислама произошедшим в Мекке переходом от кочевнической к «меркантильной» (торговой) экономике (продолжив тем самым теорию А. Ламменса [Lammens 1910; Lammens 1924] о «мекканской торговой республике»⁵), вступившей в конфликт с традиционными ценностями

⁴ См., например, Грязневич 1984 а; Грязневич 1984 b; Грязневич 1984 с; Пиотровский 1981; Пиотровский 1984; Резван 1997; Резван 2001 и др.

⁵ Уже после М. Уотта линию «мекканской торговой республики» продолжил (можно даже сказать завершил) венгерский исследователь Р. Шимон, однако с использованием более научного, «умеренно» марксистского подхода: Róbert Simon «Meccan trade and Islam: problems of origin and structure» [Simon 1989]. Его книга стала попыткой на современном уровне «вписать» Мекку в традиционный трансаравийский «Путь ладана». Игнорирование таких ключевых проблем,

«племенной солидарности», что привело к внутреннему кризису, который и разрешил Мухаммад [Watt 1954]. Сам же политический процесс объединения Аравии Мухаммадом Уотт рассматривает как способ обеспечить внутренний мир и безопасность на полуострове путем постепенного расширения «*Rah Islamica*» за пределы Медины, в результате чего внутренние столкновения между племенами были пресечены, а их заменой послужила дальнейшая экспансия за пределы Аравии [Watt 1956: 143–149]⁶.

Если вопрос о наличии социального / социально-экономического кризиса в Аравии накануне ислама никогда не вызывал особых разногласий, то его причины в советской историографии воспринимались иначе: как процесс перехода от родового общества к классовому. К началу 1980-х годов сложилось базисующееся на марксистском подходе представление (пускай и разделяемое далеко не всеми специалистами, по крайней мере в Ленинграде), что революционные изменения в Аравии начала

как существование самого феномена трансаравийской торговли в VI в. и наличие связи «мекканской торговли» с «Путем ладана», делающее работу практически бесполезной с точки зрения изучения заявленной темы, вызвали резкую критику специалистов и привели к тому, что книга оказалась практически невостребованной научным сообществом (см. например, рецензию Вансборо [Wansbrough 1990: 510–511]). Это печально, так как в работе Шимона содержится немало полезного материала и интересных конкретных наблюдений, даже если общая концепция книги и не выдерживает критики. Более того, само обвинение в незнакомстве автора с основными современными западными работами по теме [Wansbrough 1990: 510] (в первую очередь, речь идет от скандальной книге П. Кроун «Мекканская торговля» [Stone 1987]) не вполне справедливо, так как книга Шимона является английским переводом гораздо более раннего труда, появившегося еще до начала начатой П. Кроун и М. Куком дискуссии о происхождении ислама и достоверности арабских источников: Simon R. A mekkai kereskedelem kialakulása és jellege [Simon 1975]. Английский перевод делал не сам Шимон, а издательство, в любом случае едва ли автор смог бы внести серьезные изменения в давно написанный труд — тогда ему пришлось бы писать новую книгу.

⁶ О причинах событий конца VI — начала VII в. в Аравии см. также: [Bousquet 1956: 37–52; Butzer 1957: 359–371; Canard 1965: 37–63; Gabrieli 1968; Shaban 1971]. Хорошая подборка статей (включая некоторые из упомянутых выше) собрана Ф. Доннером в пятом томе серии «The Formation of the Classical Islamic World» [Donner 2008 b], причем ряд важных «классических» статей первой половины — середины XX в. переведен специально для этого сборника с французского и немецкого на более употребимый сегодня английский язык.

VII в. были обусловлены завершением процесса «разложения родового строя» и формированием классового общества, что и привело к возникновению государства. Наиболее ярким примером такого «марксистского подхода» является во многом итоговая книга Л.В. Негря «Общественный строй Северной и Центральной Аравии в V–VII вв.» [Негря 1981]. Однако общую несостоятельность теории «разложения родового строя» в Аравии показал уже крупнейший советский / российский арабист О.Г. Большаков [Большаков 1989: 40]. Признаки такого «разложения» (выделение родовой знати, попытки захвата ею земельных и водных ресурсов в форме *химā* — «священных / заповедных территорий», появление неравноправных отношений между племенами и внутри племен (институт *халиф*ов) и т.д.) имели место. Но все это можно обнаружить на *любом* этапе изучения истории Аравии с I тысячелетия до н.э. до XX в. Их вполне успешно находят исследователи различных периодов аравийской истории: и во времена возникновения государства карматов, и во времена возникновения государства вахабитов в XVIII в. — вплоть до образования государства современных Саудитов.

Таким образом, красивая и внешне логичная марксистская эволюционистская теория оказалась несостоятельной. Отсюда первый вопрос: почему привычное линейное историческое развитие от родового общества к государству и классовому обществу в рамках Аравии обнаружить не удастся? Причины сохранения родового строя в Аравии, при этом перманентно пребывающего в состоянии «полураспада», хотя и обсуждались, но не получили должной оценки в рамках ближневосточных штудий. Так, О.Г. Большаков лишь ставит этот вопрос, но не дает на него исчерпывающего ответа⁷.

В принципе сегодня уже понятно, что сама стандартная концепция исторического развития оказалась несостоятельной. Традиционное представление о последовательном развитии общества от простого к сложному, от примитивного родового строя к развитому государству сложилось еще в рамках западноевропейской парадигмы «прогресса», появившейся в Новое время. Однако дальнейшие исследования показали: представление о том, что

⁷ «Это — проблема, к которой историкам придется возвращаться неоднократно» [Большаков 1989 I: 40–41].

родовое кочевое общество более примитивно, чем «государственное», не вполне справедливо. В частности, тот же О.Г. Большаков отмечает парадоксальную ситуацию. В «примитивной» кочевой Аравии мы имеем развитые товарно-денежные отношения, письменность, развитую авторскую поэзию (случай уникальный, единственная параллель — скальдическая поэзия эпохи викингов в Северной Европе), что обычно свойственно государственному уровню развития. О.Г. Большаков объясняет это включенностью Аравии в структуру «переднеазиатско-аравийского региона древних цивилизаций» [Большаков 1989 I: 40]. Это отчасти справедливо, хотя более корректно было бы говорить о ее *вовлеченности* в транзитную *торговлю*, с начала I тыс. до н.э. связывавшую земледельческие империи Ближнего Востока, что и обусловило тесные связи арабов-кочевников с соседними оседлыми цивилизациями.

Однако основная проблема здесь более общая. Специфика кочевого хозяйства и кочевого общества приводит к тому, что его развитие идет *по иному* пути, не связанному с созданием классового общества и государства, но неизменно сохраняющему родовую структуру⁸. Кочевое общество может быть и развитым (разумеется, до определенного уровня), и примитивным, в зависимости от времени и места, но это никак не связано ни с «разложением родового строя», ни с построением государства, это просто *иная* парадигма, чем развитие завязанных на переход от родового строя к государству оседлых обществ.

Решить вопрос о конкретных *причинах консервации родового строя* в Аравии в рамках традиционной арабистики оказалось проблематичным ввиду неочевидности означенной проблематики для исследователей этого региона. Гораздо более четко эти проблемы были раскрыты и сформулированы при изучении кочевников евразийских степей, где данная специфика кочевого общества (перманентный процесс сложения и распада кочевых империй, после которых степь возвращалась в «родоплеменное»

⁸ Следует отметить, что этим вопросам уделялось значительное внимание в работах, посвященных истории кочевничества. Из последних публикаций стоит отметить серию коллективных монографий специалистов, приуроченную к 800-летию создания Монгольской империи [Монгольская империя и кочевой мир 2004–2008].

состояние) проявилась более ярко. В рамках самой Аравии эта цикличность не столь очевидна, тем более что большинство арабистов ограничиваются лишь одним циклом — от родового общества времен Мухаммада к Арабскому халифату, а посему полагают этот феномен перехода от родового общества к государству однократным и уникальным. Это, впрочем, понятно: судьба полуострова после образования Халифата уже не привлекала столь широкого внимания, как миссия Мухаммада, и вопросы *дальнейшего* развития кочевого общества собственно Аравии практически не ставились.

Напротив, исследования развития кочевых обществ Евразии на протяжении двух тысячелетий показали, что высший уровень социальной организации кочевого общества, необходимый для обеспечения его повседневного существования, — это «племя»⁹, которое обеспечивает и защищает систему (маршруты) сезонных перекочевков. Более высокий уровень организации с экономической точки зрения в *стабильных условиях* кочевникам не требуется, а потому длительное выживание (ранне)государственного организма без поддержки извне в кочевом обществе невозможно: отсюда принципиальная недолговечность кочевых государств (отсутствие экономической целесообразности существования надплеменных структур позволяет их создателям опираться только на силу — ненадежный и временный инструмент). Доисламские «государства» степной Аравии создавались не благодаря внутренним ресурсам, но при поддержке их оседлых соседей — Византии (Гассаниды), Ирана (Лахмиды), Химьяра (Киндиты) — и вскоре исчезали после прекращения подобной поддержки. Без поддержки извне могли возникать лишь аморфные «племенные

---

⁹ Термин условный, однако углубляться в различные теории, разрабатывающие классификацию родовых структур на базе современных этнографических параллелей, особенно популярные в западной антропологии, для наших целей представляется излишним. У нас нет возможности точно определить конкретный статус и «уровень развития» каждой из упоминающихся в источниках племенных структур, поэтому подобные попытки их строгой и детальной классификации будут лишь затемнять картину. Для надплеменных организаций нового, «государственного», типа, ввиду недостаточности информации, также более разумным представляется использование нейтрального термина «раннегосударственное образование». В любом случае более детальная классификация не приблизит нас к пониманию главной проблемы.

союзы», временные, быстро распадавшиеся и не достигавшие даже «раннегосударственного» уровня¹⁰.

* * *

Учитывая вышеизложенные объективные причины сохранения родового строя в Аравии, обусловленные спецификой кочевого хозяйства, можно обратиться к следующему вопросу. Что же все-таки привело к образованию *государства* в Аравии в интересующий нас период?

Даже с учетом безусловно важных моментов, связанных с личностью Мухаммада и содержанием его проповеди, ситуацией в соседних империях, включая изнурительное противостояние Византии и Сасанидов, исчезновения связанных с ними буферных государственных образований арабов-кочевников и т.д., базовая причина все равно остается неизвестной. И здесь имеет смысл использовать сравнительный метод, в частности сопоставление аравийских реалий с результатами изучения кочевников евразийских степей.

Однако прежде следует отметить специфику кочевничества «пустынного типа», к которому относится «Пустынная Аравия» (т.е. Аравия за пределами земледельческого Йемена), значительно отличающегося от более распространенного кочевничества «степного типа» полосы евразийских степей. Аравийские кочевники жили в тесном симбиозе с оседлыми жителями оазисов, нередко принадлежавшими к подразделениям того же самого племени, — в отличие от «степняков», у которых преобладало чисто кочевое хозяйство, и с оседлыми абсолютно не знакомых, что, в свою очередь, определяло отношение к последним в период завоеваний. Достаточно сравнить действия Чингисхана, вырезавшего целые города, населенные чуждыми чистым кочевникам непонятными и враждебными, а потому просто «ненужными» чужаками, и арабское завоевание, где халиф Абу Бакр с самого начала запретил воинам повреждать посевы и трогать «нон-комбатантов»¹¹ (понятно, что в реальности случались и «эксцес-

¹⁰ Иногда достигаемый ими уровень именуется *chiefdom* — «вождество», что, впрочем, является дискуссионным вопросом; не исключено, что к этой категории следует относить вышеупомянутые доисламские буферные государства.

¹¹ Наставление Абу Бакра участникам первого похода в византийскую Сирию: «Когда встретишь врага и Аллах даст тебе победу, то не злобствуй и не уродуй

сы», но здесь важнее общий подход). Тем не менее оба варианта кочевничества были сходны в главном: *определяющим* не только в Монголии, но и в «Пустынной Аравии» было именно кочевое хозяйство, земледелие его только дополняло и не имело самостоятельного значения; в политической жизни также доминировали кочевые племена. Необходимо подчеркнуть, что все это не является какой-то особой аравийской спецификой — это именно основополагающая черта «пустынного типа» кочевничества.

Широко распространенное ошибочное представление, приводящее к непониманию ситуации в Аравии, связано с формально «географическим» подходом, когда «Аравийский полуостров» рассматривается как некая неделимая единица, причем не только географическая (что несомненно), но и социально-политическая / экономическая (что абсолютно неверно), тем самым кочевая Аравия и земледельческая Южная Аравия объединяется в единое целое. Следующим шагом при таком подходе становится подсчет соотношения оседлого и кочевого населения получившейся единой «Аравии» (“*Arabia Variata*”, как назвал ее Ф. Доннер [Donner 1981: 11], решивший подправить «ошибавшихся» древних авторов). При этом, разумеется, обнаруживается, что оседлых несколько больше, чем кочевников (около 3 млн кочевников и около 3,8 млн оседлых [Большаков 1989 I: 33–34]). Далее делается вывод о том, что кочевники играли второстепенную роль, а развитие «Аравии» определялось почти исключительно ее оседлым населением.

Типичным примером такого подхода является в целом весьма добротная и заслуженно популярная книга Ф. Доннера об арабских завоеваниях [Donner 1981]. Сам Доннер, правда, вообще никакими подсчетами не озадачивается, а просто заявляет, что соседи считали Аравию землей кочевников по незнанию: «Маловероятно, чтобы кочевники когда-либо составляли более, чем лишь малую долю населения [Аравии]. Оседлые намного превосходили по численности кочевников во все исторические периоды» [Donner 1981: 11]. Далее закономерно следуют рассказы о процветающих городах (!) Аравии с важнейшим центром международной торговли — Меккой.

[тела врагов], не будь вероломным и не трусь. Не убивай ни ребенка, ни старого старика, ни женщину. Не сжигайте палым и не обдирайте с них кору, не срубайте деревья и не режьте скота больше, чем надо для еды» [Большаков 1993: 18].

Однако наличие разного рода связей между кочевой Аравией и Южной Аравией никогда не делало их (и не делает сегодня) единым организмом. Оседлую цивилизацию Йемена, аналогичную ранним оседлым цивилизациям Передней Азии, необходимо рассматривать отдельно, к кочевой Аравии она отношения не имеет. Вовсе не случайно изучением Южной Аравии занимается особая дисциплина — *сабеистика*, хотя и менее известная, чем, например, египтология, но, по сути, это явления одного порядка.

Не стоит также забывать, что сабейский и другие «эпиграфические» южноаравийские языки относились к хотя и родственной, но все же *иной* языковой группе (южносемитская, или юго-западносемитская), чем арабский язык (северосемитская группа). Соответственно, понимание между их носителями было весьма затруднено, если не невозможно (вероятно, такая ситуация сохранялась до начала широко проникновения кочевников в Южную Аравию в VI в.). Таким образом, до VII в. арабы-кочевники и южноаравийские «химьяриты» считали себя *разными* народами [Большаков 1989 I: 335].

Характерно, что понимание этого феномена (утраченное рядом современных исследователей) — принципиальная разница между кочевой и оседлой Аравии с экологической, экономической, политической и культурной точек зрения — было уже у античных авторов, четко различавших оседлую «Счастливую Аравию» (*Arabia Felix*) и кочевническую Аравию, подразделявшуюся на «Каменистую Аравию» (*Arabia Petraea*), контролируруемую западными оседлыми соседями (эллинистическими монархиями лишь отчасти, Римом — в значительной мере, а в 106 г. и вовсе им аннексированную), и неконтролируемую «Пустынную Аравию» (*Arabia Deserta*). Если же рассматривать именно кочевническую Аравию, то ее кочевое население на целый порядок превосходило оседлое (по подсчетам О.Г. Большакова — около 3 млн бедуинов и около 300 тыс. земледельцев [Большаков 1989 I: 33–34]). К тому же, за исключением некоторых крупных оазисов, земледельцы представляли собой лишь фракцию какого-нибудь крупного кочевого племени. Таким образом, несмотря на всю специфику аравийских и, например, сахарских кочевников, общее типологическое сходство различных кочевых обществ позволяет сравнивать разные *варианты* кочевничества.

Как показали исследования американского историка Дж. Флетчера [Fletcher 1986], пожалуй, наиболее серьезного и глубокого специалиста по номадизму, к сожалению, рано ушедшего из жизни и у нас малоизвестного¹², возникновение надплеменной системы организации среди кочевников было обусловлено исключительно *внешними* факторами, а именно необходимостью экспроприации у оседлых соседей отсутствующих у кочевников специфических ресурсов.

Дело в том, что кочевое общество при всей его кажущейся автономности в принципе *не самодостаточно*. И речь идет не только и даже не столько о продуктах земледелия, таких как зерно, которые могли быть важной частью рациона кочевников (для Аравии это безусловно справедливо, для кочевников Монголии зерно не имело столь критического значения). Главное в том, что кочевники нуждались в продукции более развитого оседлого ремесла. Это, конечно, и различные ремесленные изделия, необходимые для повседневной жизни, и, не менее важно, т.н. «предметы престижного потребления» (ППП), необходимые для функционирования *социальной системы* кочевого общества: высококачественное оружие, кольчуги, тонкие и дорогие ткани, парадная одежда, украшения, для Аравии — еще и духи-*тиб*. В родовом обществе вождь и отчасти представители родовой знати обладали своего рода монополией на распределение этих «предметов престижного потребления», тем самым сохраняя и повышая свой особый социальный статус и выстраивая общественную иерархию. Яркий пример, иллюстрирующий социальную функцию родового лидера и роль ППП, — это традиционный

---

¹² Даже в специально профинансированной РФФИ работе по историографии Монгольской империи [Крадин 2014: 23] ее автор сумел не заметить, что детально разбираемая им книга Т. Барфилда «Опасная граница» [Barfield 1989] — это работа *ученика* Дж. Флетчера, писавшего у него диссертацию (которая была затем издана в виде вышеупомянутой книги), в которой он попытался применить базовую концепцию своего учителя к анализу истории китайско-кочевнических отношений. В перечислении исследователей, занимавшихся данной тематикой, автор, исходя из сугубо механического принципа даты публикации перечисляемых статей, поместил Флетчера после Барфильда [Крадин 2014: 23]. Чтобы была ясна коллизия: это то же самое, что поставить Крачковского в списке исследователей какой-нибудь важной арабистической темы после его учеников на том основании, что его собрание сочинений вышло позже по времени: вышеупомянутая ключевая статья Флетчера тоже вышла после его смерти.

эпитет вождя в германском эпосе: «дарующий кольца»¹³. Но главное, если вождь перестанет «даровать кольца», т.е. распределять «предметы престижного потребления», то он быстро потеряет свой статус вождя¹⁴.

На первый взгляд кажется, что прожить без подобных предметов роскоши можно, но проблема в том, что их отсутствие разрушает *систему социальной стратификации* общества, которая маркируется именно этими «предметами престижного потребления».

¹³ Например: «Воины конунга // взяли живого... Так должен смелый — // кольца дарящий — // добро защищать!» («Гренландская Песнь об Атли», 31) [Беовульф. Старшая Эдда 1975: 315]. В «Беовульфе» «король» (а, по сути, — еще «вождь») во время пиров в своем дворце щедро одаривает своих дружинников кольцами, гривнами (дорогие шейные гривны могли дариться не целиком, а по частям, кусками, отсюда еще один эпитет вождя — «ломающий гривны»), оружием и другими ППП.

Традиционные пиры (распространенные у кочевников, да и не только у кочевников — можно вспомнить знаменитые *потлачи* у индейцев Северной Америки, где порой даже раздавалось все имущество вождя — повышая тем самым его социальный статус) тоже входят в эту систему. Можно упомянуть характерную историю о щедрости прадеда Мухаммада — Хашима, который каждый день резал барана или козла, варил похлебку-*сарид* и кормил всех желающих, а потому был самым уважаемым человеком в Мекке [Ibn Ḥabīb, *al-Munamq*: 32]. Однако для более высокого уровня социальной организации (с более сложной системой социальной дифференциации) пиры сами по себе уже были не достаточны. Равно как и стандартные для кочевого общества «дары» в виде скота — ввиду проблематичности его сохранения: животные могли в одночасье погибнуть, их могли легко украсть — в отличие от ППП, которые забрать можно было только вместе с жизнью хозяина (ср. выше слова о конунге, защищающим свое «добро» до смерти: он был убит, но так и не выдал тайну «золота Рейна»), что много сложнее, чем просто угнать ночью чужое стадо.

¹⁴ Ср. повествование Рашид ад-Дина о причинах того, почему некогда союзные племена оставили своего прежнего предводителя Джамуху и перешли на сторону его главного соперника — Чингизхана: «Эмиры тайджиутов нас без пути притесняют и мучают, [тогда как] этот царевич Тэмуджин снимает одетую [на себя] одежду и отдает ее, слезает с лошади, на которой он сидит, и отдает [ее]. Он тот человек, который мог бы заботиться об области, печься о войске и хорошо содержать улус!» [Рашид-ад-дин I, кн. 2: 90]. Описание действий Чингизхана носит эпический характер, при этом характерно, что главными предметами «раздачи» названы одежда (речь о дорогой верхней одежде знатного воина) и кони (в степях Евразии традиционно «маркерами высокого статуса выступали лошадь, пояс, оружие, парчовый халат и головной убор» [Крадин 2014: 37]). Таким образом, главным аргументом в пользу решения предать старого хозяина и перейти к новому становится «скудость» первого и щедрые раздачи второго.

ния». Здесь можно вспомнить замечательный фильм Г. Данелии «Кин-дза-дза», где герои со странной планеты Плюк отказываются лететь на Землю (где жизнь вроде бы несоизмеримо лучше), так как не понимают, как можно жить в обществе, где нет «цветовой дифференциации штанов», т.е., выражаясь научным языком, где отсутствует ясно выраженная во внешних формах и символах система социальной стратификации. Отсутствие подобной стратификации в традиционном обществе неизбежно влечет за собой возникновение хаоса или серьезного сбоя в системе. Отсюда особая (и не вполне понятная нам сегодня) важность «предметов престижного потребления» в кочевом обществе: возможность их распределения позволяет выстраивать иерархическую систему, обеспечивающую стабильность¹⁵.

В обычных условиях кочевники могли получать необходимые им дополнительные ресурсы, включая ППП, путем торговли, в пограничных районах совмещавшейся с набегами на более слабых или недостаточно организованных оседлых соседей. Однако в случае столкновения с сильной империей и при невозможности торговли (как это не раз случалось, например в монгольской степи при контакте с *единым* и могущественным Китаем) возникала необходимость объединения племен для экспроприации сильного оседлого соседа (для борьбы с раздробленным и слабым соседом такая консолидация не требовалась, поэтому кочевые империи возникали в период расцвета Китая, а не в период его упадка и распада)¹⁶.

¹⁵ Характерно, что шелковые одежды неоднократно упоминаются в Коране в качестве одеяний обитателей рая. На уровне практическом *харадж* (пересмысленный потом как *джизья*, а по сути — просто *дань* с подчиненного города), который должны были выплачивать христиане Наджрана — первого крупного центра оседлой цивилизации, который мусульманам удалось взять под контроль, выплачивался именно в «одеждах» (*хулла*), «каждая ценой в *ўкиййу*», которыми славился этот город [Пиотровский 1985: 179] (*ўкиййа* равнялась 40 дирхемам или 4 динарам [Большаков 1989 I: 266 прим. 154]). И это при том что деньги в этом крупнейшем йеменском торговом центре, безусловно, были. Однако именно драгоценные одежды — видимый символ социального статуса — были наиболее важны для Аравии и, соответственно, для Мухаммада и формирующегося арабского государства. Кроме того, в качестве возможной замены какой-то части этих одежд были названы кольчуги тоже «стратегический» товар, относящийся к категории ППП.

¹⁶ В этой связи следует отметить, что относительно недавно, во многом стараниями С.Г. Кляшторного, на русский язык была переведена упомянутая выше

Аналогичную ситуацию мы видим и в случае с Аравией, где объединение арабских племен под эгидой ислама и руководством Мухаммада, а затем и его преемников-халифов позволило успешно экспроприировать соседние оседлые империи, что было категорически неосуществимо для отдельных племен и даже племенных союзов.

* * *

Теперь с учетом вышеизложенного можно вернуться к главному вопросу. Почему образование государства в Аравии произошло именно в начале VII в.? Как уже указывалось, общая *социально-экономическая ситуация* на полуострове принципиально не менялась на протяжении по крайней мере последних 2–2,5 тысяч лет. Попытки обнаружить критические *изменения климата* в интересующий нас период также нельзя считать успешными.

Ссылки на воздействие климатических изменений (засуха, например) типичны для наиболее ранних попыток объяснить феномен возникновения и самого номадизма, и кочевых империй. Между тем последующие более детальные исследования в разных регионах мира показали отсутствие прямой корреляции между климатическими флюктуациями и формированием государства у кочевников, хотя попытки реанимировать подобные теории предпринимаются до сих пор. Сегодня эту теорию подхватили А.В. Коротаев с соавторами [Коротаев А.В. и др. 2007: 13–16], связав с «пиком тектонической и вулканической активности во всем мире» в VI в. засуху, вызвавшую «катастрофу в Аравии». (И не только в Аравии. Авторы проводят параллели с кризисом в Византийской империи в середине 610-х годов, который, по их мнению, тоже в конечном итоге был обусловлен извержением вулкана на острове Новая Британия (около Новой Гвинеи) и вышеупомянутым «пиком тектонической активности» в целом, повлекшим за собой неблагоприятные климатические изменения [Коротаев и др. 2007: 14–15].)

Не отрицая самого факта *периодических засух* в стандартных районах кочевничества, включая Аравию (так, К. Бутцер указы-

---

книга ученика Дж. Флэтчера — Т. Барфилда «Опасные границы», где тот предпринял попытку, опираясь на выводы своего наставника, в подобном ключе детально рассмотреть судьбы кочевых империй на границе с Китаем [Barfield 1989; Барфилд 2009].

вает на 591–640 гг. как на период особенно острой засухи [Butzer 1957, см. также: *Khazanov* 1993: 462]), их воздействие на кочевое общество (включая его оседлую часть, обитающую в оазисах в случае «пустынного» варианта кочевничества) само по себе не приводит к возникновению надплеменной (раннегосударственной) системы организации. В условиях полосы евразийских степей засуха и связанное с ней сокращение ресурсов обычно вызывают не объединение, а миграцию кочевого населения на смежные территории. В пустынном варианте с ограниченными возможностями миграции — интенсификацию борьбы за ресурсы с земледельцами оазисов и примыкающих земледельческих регионов, что типично, например, для Северной Африки. Даже если оставить в стороне проблематичность оценки самих климатических изменений в Аравии (детали этого процесса сами по себе весьма дискуссионны, ср. сегодняшние диаметрально противоположные точки зрения относительно т.н. «глобального потепления»), очевидно, что смена циклов засушливых и более влажных периодов (как и общий процесс аридизации полуострова) мало связана с процессом образования кочевнических государств на его территории. Это никак не связано с созданием упоминавшихся выше буферных кочевых государств доисламской Аравии и столь же мало релевантно в отношении возникновения исламского государства.

Возможно, климатическое воздействие и усугубило проблемы, возникшие в Аравии в последней четверти VI в., однако само по себе оно ничего не объясняет. В конце концов, если засуха началась в VI в., то почему предполагаемая естественная реакция на нее (миграция, выплеснувшая излишнее кочевое население за пределы полуострова) началась лишь в 630-е годы? Попытка объяснить эту 40-летнюю «задержку» начала миграции племен за пределы Аравии особой «силой» оседлых империй, которые через своих сателлитов Гассанидов и Лахмидов, а на юге с помощью правителей Химйара (эфиопов, а потом и самих персов) препятствовали кочевнической экспансии [*Khazanov* 1993: 462–463], не выдерживает критики, так как почти все эти буферные государства прекратили свое существование еще до начала предполагаемого «засушливого периода»: коллапс химйаритской государственности относится к середине 570-х годов, Гассаниды были ликвидированы в 582 г., и лишь Лахмидское «царство» прекрати-

ло свое существование в 602 г. Более того, ни один из известных нам засушливых периодов в последующие века не вызвал движения кочевников из Аравии [Большаков 1993: 13].

Итак, если оставить в стороне традиционные попытки объяснить объединение Аравии и последующие арабские завоевания засухой, перенаселением и другими «экологическими» и «демографическими» причинами, чья несостоятельность сегодня уже вполне очевидна, нам придется обратиться к главному вопросу. А именно, чем же *отличается* ситуация в конце VI — начале VII в. от предшествующего периода? Что произошло в период жизни Мухаммада, что могло повлиять на ситуацию и стать толчком для столь революционных преобразований?

Попытки найти ответ на этот вопрос неоднократно предпринимались. Так, П. Кроун предположила, что такой причиной стало усиление, даже «установление», внешнего контроля — византийского и особенно иранского — над Аравийским полуостровом в VI — начале VII в., реакцией на которое стало арабское «националистическое движение» — аналогичное антиимпериалистическим националистическим движениям Нового времени, возникшим в ответ на европейское вторжение [Crone 1987: 246–247]¹⁷. Согласно Кроун, для борьбы с «оккупантами» Мухаммад использовал «иудейскую версию монотеизма», т.е. «ислам» [Crone 1987: 247–250]. Всерьез обсуждать подобный анахронистический подход, переносящий реалии эпохи колониализма на раннее средневековье, едва ли имеет смысл¹⁸.

---

¹⁷ П. Кроун со свойственным ей эпатажным подходом поначалу удовлетворилась констатацией совпадения интересов аравийского общества и проповеди Мухаммада: «Мухаммад должен был вести завоевания, его последователи любили вести завоевания, и его божество предписало ему вести завоевания: что нам еще нужно?» [Crone 1987: 244]. Однако и ей пришлось отвечать на вышеуказанный вопрос. Почему все «что нужно» произошло *именно* в начале VII в.? В результате, странным образом проигнорировав специфику кочевого общества Аравии, она обратилась к вне-аравийским аналогиям и колониальному опыту Британской империи.

¹⁸ Впрочем, П. Кроун все же делает оговорку, что это скорее лишь гипотеза: «В какой мере подобная “националистическая” модель может быть применена к возникновению ислама, это вопрос для будущих исследований; несомненно, есть и иные пути взаимодействия между арабами и внешними игроками, которые могут быть рассмотрены». Но в любом случае главной темой исследования должно быть «влияние Византии и Ирана», а не «мекканская торговля» [Crone 1987: 250].

На самом деле, события, произошедшие в конце VI в. и в конечном итоге приведшие к возникновению государства в Аравии, хорошо известны, только не оценены должным образом в необходимом ракурсе. В последней четверти VI в. в рамках борьбы со своим геополитическим соперником — Византией — Сасанидский Иран взял под контроль государство Химйаритов в Южной Аравии. Сначала, в середине 570-х годов (около 576–577¹⁹) там был приведен к власти персидский ставленник Сайф б. Ма'дикариб б. Сумайфа, в арабской традиции известный как Сайф б. Зў-Йазан, но междоусобная борьба на этом не закончилась. После победы он вырезал значительную часть эфиопов и их потомков, но ок. 587 г. (?) был убит своими эфиопскими стражниками. Затем власть на какое-то время захватил полубогатый сын Абрахи Масрук, после чего на рубеже VI–VII веков Йемен был окончательно оккупирован и превращен в сасанидскую провинцию во главе с наместником-марзбаном: около 599 г. персидский военачальник Вахриз вернулся с 4-тысячным отрядом, разгромил и убил Масрука, установив прямое сасанидское правление. Конечно, контроль над территорией был неполный, о чем обычно с пафосом пишут арабисты, мол, персидский наместник контролировал только Сану, Аден и несколько основных городов (см., например: [История Востока 1995 II: 103]). Но здесь нужно понимать, что задача у персов была совершенно иная: не контроль территории и ее эксплуатация (практически невозможная ввиду удаленности провинции от метрополии²⁰), как это обычно происходило в случае завоевания, но торговая война с главным стратегическим врагом — Византией.

¹⁹ Все даты (как и детали событий) условны, так как базируются уже не на южноаравийской эпиграфике, которая к 570 г. исчезает, а на относительно поздних арабских нарративных источниках, таких как ат-Табарӣ, ас-С'а'либи и др., однако за неимением лучшего эти датировки приняты (с оговорками) в научной литературе. Впрочем, и события жизни Мухаммада до хиджры, как и их датировки, тоже не менее условны.

²⁰ Попытки доставить из Йемена какую-то форму дани караванами через Аравию наткнулись на противодействие племен, грабивших эти караваны (см., например, *Йаум ас Сафқа* [Al-Yāqūt III: 401; Ibn al-Athīr, *al-Kāmil* I: 378–379]), да и реальный объем этой «дани» определить сложно. К тому же такие караваны вообще могли быть не отправкой предполагаемой йеменской дани, а просто поставками каких-то определенных товаров в рамках иной, главной, задачи: например, обеспечение сасанидского двора благовониями (на территории Сасанидского Ирана не только ладан, но и более распространенная мирра не произрастали).

Заняв Йемен, Сасаниды перекрыли Византии альтернативный (т.е. минующий Иран) путь в Китай — т.н. «морскую» ветвь «Великого шелкового пути». Это ответвление «Великого шелкового пути» шло из Средней Азии на юг в Северную Индию, к побережью, а далее морем — либо вдоль берегов Персии в Ирак, либо через Индийский океан в Южную Аравию, откуда товары доставлялись через Аравийский полуостров или по Красному морю в Византию. Проблемы борьбы за выход к восточным товарам были детально рассмотрены в капитальном труде Н.В. Пигулевской «Византия на путях в Индию», в котором показана особая значимость восточной торговли для Византии, стремившейся обойти сасанидский контроль над поставками китайских и других восточных товаров [Пигулевская 1951]. Византия не могла отказаться от приобретения этих товаров, особенно китайского шелка (даже несмотря на налаживание собственного производства, спрос на шелк в Византии всегда превышал предложение), и вынуждена была покупать его, а также другие восточные товары у персов, тем самым фактически финансируя своих стратегических противников. Этого Византия как великая империя с вменяемым государственно ориентированным руководством всячески стремилась избежать, постоянно пытаясь найти альтернативные пути получения восточных товаров — в первую очередь, через Эфиопию и Аравию²¹. Мы не имеем аналогичных сасанидских источников, демонстрирующих значимость этой торговой борьбы для Ирана (они до нас просто не дошли), но было бы странно предположить, что вторая сторона конфликта была не осведомлена об интересах и мероприятиях своего главного противника и никак не учитывала этого в своей внешней политике.

²¹ Описанная Прокопием Кесарийским [Прокопий Кесарийский 1993: 61, 65–66]) попытка Юстиниана в конце 520-х годов с помощью Аксумского царства (на территории современной Эфиопии и Эритреи) и химйаритов переориентировать «морскую ветвь» Великого шелкового пути с Персидского залива на Красное море действительно не удалась, так как персы уже установили торговую монополию на привозимый в североиндийские порты китайский шелк. Однако торговля пряностями из Индии и Юго-Восточной Азии с Южной Аравией продолжалась, к тому же южноарабские и индийские мореходы доставляли в Аравию и китайские товары, включая шелк (шелковые ткани, в том числе происходившие из Йемена, хорошо известны в доисламской Аравии [Searjant 1990: 474]), пусть и не в таком количестве, как нужно было византийцам.

Таким образом, захват персами Йемена стал ощутимым ударом по интересам Византии, но косвенно удар был нанесен и по кочевой Аравии. Почему — уже понятно из вышеизложенного. Как известно, с начала I тысячелетия до н.э. через Аравию проходил основной торговый путь древности — «Путь ладана». Именно он обеспечивал аравийских кочевников, включая их оседлых соплеменников в оазисах Аравии, всеми необходимыми *дополнительными* ресурсами. Арабы получали плату за перевозку грузов, охрану, сопровождение и обслуживание караванов, за проход по своей (племенной) территории, а в ряде случаев также участвовали в локальных торговых операциях, связанных с основным торговым путем. Все это давало аравийским кочевникам те недостающие ресурсы, включая ППП, которые были необходимы для нормального функционирования экономической и социальной системы аравийского общества²².

²² Здесь, правда, есть один серьезный вопрос. В какой мере трансаравийская транзитная торговля была активной в середине I тыс. н.э.? Проблема связана с тем, что в I в. до н.э. были открыты муссоны, в результате чего возникла транзитная морская торговля из Египта по Красному морю в Южную Аравию и далее в Индию или Восточную Африку. В связи с этим П. Кроун была высказана гипотеза о полном прекращении сухопутной транзитной торговли через Аравию в I в. н.э. и замены ее морской [Cronin 1987: 24–26]. Эта малообоснованная теория получила довольно широкую популярность. См., например, типичный случай некритичного следования концепции Кроун: «В I в. до н.э. — I в. н.э. основной путь торговли между севером и югом Аравии был перенесен с суши на море. После этого старый трансаравийский караванный “путь благовоний” полностью утратил свое значение, будучи не в состоянии соперничать со значительно более эффективным морским путем» [Коротаев и др. 2007: 21].

В связи с этой проблемой мне пришлось специально заняться вопросом торговли главным южноаравийским товаром — ладаном, чтобы разобраться в специфике его сбора и транспортировки. На эту тему мной было сделано два доклада, однако их полные тексты пока не опубликованы: Matveev A. Hunting Arabia Felix: Politics of the Byzantines, Sasanids, Ethiopians and Arabs in South Arabia in the VI C. [Matveev 2010: 12–3]; Матвеев А.С. Трансаравийская торговля ладаном в конце I тыс. до н.э. — начале I тыс. н.э.: морской и сухопутный пути // Доклад на XXXIV ежегодной сессии петербургских арабистов, ИВР АН. СПб., 9–11 апреля 2012 г.). Не вдаваясь в подробности, отметим главное: более детальные исследования данного вопроса показали, что появление морского пути, вопреки предположениям П. Кроун, не привело к прекращению сухопутной трансаравийской торговли. Южноаравийские правители (в первую очередь речь идет о Хадрамауте) держали, сколько могли, *монополию* на ладан в торговле со Средиземноморьем. И в этой связи они сохраняли как основной именно сухопутный вариант пути, который

Однако в результате захвата персами Йемена традиционная транзитная караванная торговля через Аравию прекратилась²³. В результате кочевая Аравия лишилась тех самых дополнительных, но крайне необходимых внешних ресурсов, которые в течение полутора тысячелетий автоматически поступали туда в результате участия племен в международной транзитной торговле. Эффект был аналогичен хорошо знакомому по современной истории «введению экономических санкций», которые хотя и не могут привести к полному коллапсу экономики, однако тяжело сказываются на всей системе, вызывая падение уровня жизни, общий рост социальной напряженности и т.д. Примерно то же мы наблюдаем и в Аравии конца VI — начала VII в. Прекращение

они в значительной мере контролировали (в отличие от морского пути, на который они влиять не могли и который к тому же был слишком рискованным, дорогим и сложным для организации).

Затем, в III в. н.э., вследствие кризиса Римской империи общие масштабы транзитной торговли через Аравию сокращаются, как и масштабы морской восточной торговли, но сам торговый путь ни в коей мере не исчезает. Кроме ладана по нему перевозится мирра, не монопольный, как ладан, но дорогостоящий товар, а также другие восточные товары, поступавшие в аравийские порты из Индии, Юго-Восточной Азии и Китая (перец и другие пряности, шелк и др.). Таким образом, определенные преимущества морской торговли не отменили целесообразности и конкурентоспособности сухопутного торгового пути через Аравию. Они на основании анализа источников и с учетом новейших исследований (а не «научных» мифов, запущенных П. Кроун) детально описаны М.Д. Бухариным в целом ряде работ, в частности в его докторской диссертации и созданной на ее базе монографии [Бухарин 2009], где он приходит к аналогичным выводам. «Несмотря на развитие морской торговли Южной Аравии со Средиземноморьем, появление новых рынков сбыта благовоний (Персия, Северо-Западная Индия), традиционная схема караванной доставки благовоний из Южной Аравии и Восточной Африки и, соответственно, торговая модель сохранились без изменений до VI в. н.э.» [Бухарин 2009: 282]. См. также [Glanzman 2014].

²³ Во всяком случае, в византийском направлении — через Хиджаз и Неджд. Торговый путь через Восточную Аравию из Наджрана в сасанидский Ирак какое-то время мог функционировать. Однако движение по нему было сильно затруднено, особенно после ликвидации в 602 г. Лахмидского царства: персидскому наместнику в Хире, предсказуемо, не удалось взять под контроль этот торговый путь силой — как и выстроить долгосрочные отношения с арабскими племенами. В результате отправляемые из Йемена караваны нередко становились добычей бедуинов, о чем и повествуют «Дни арабов» (см., например, историю о том как караван, отправленный персидским наместником Базаном, был разграблен тамимидами (*Йаум ас Сафқа* [Al-Yāqūt III: 401; Ibn al-Athīr, *al-Kāmil*: I, 378–379]).

транзитной торговли привело не к коллапсу, но к серьезному кризису, охватившему все сферы жизни, не только экономическую и социальную²⁴, но и духовную, религиозную.

Экономическая ситуация, сложившаяся в результате сасанидских действий, хорошо видна из рассказа об убийстве проводника лахмидского каравана, которое стало причиной войны *Йаум ал-Фиджър*. В юности в ней принял участие и Мухаммад (вероятно, 590-е годы). Стоит обратить особое внимание на то, что убийство кинанитом ал-Баррадом б. Қайсом (находившимся под покровительством одного из курайшитов) 'Урвы ар-Раххала б. 'Утбы, проводника-охранника каравана, отправленного правителем Хиры ан-Ну'маном на ярмарку в 'Укәзе, было обусловлено вовсе не борьбой мекканцев за торговую монополию, как это обычно интерпретируется сторонниками существования «мекканской торговой империи»²⁵, а соперничеством племен за право прохода каравана²⁶ через Центральную Аравию (борьба шла

²⁴ На уровне социально-экономическом это могло вызывать (или интенсифицировать) пресловутые захваты части общинных пастбищ и источников воды племенными вождями через расширение применения института *химы* (об институте *химә* см.: *Нимә*: ЕІ², III: 393; Негря 1981: 94–95, 98), что тоже могло быть отражением острой нехватки внешних поступлений, которые племенная знать пыталась компенсировать внутренней экспроприацией, неизбежно приводившей к росту недовольства и социальной напряженности. Однако эти «захваты земель» — лишь косвенный результат кризиса, усугублявший существовавшие и раньше проблемы, но сам по себе не приводивший ни к каким долгосрочным социально-экономическим последствиям, которые предположила Л.В. Негря. Зарвавшегося вождя в конечном итоге просто убивали в очередном «дне Басусы» или «ан-Нафрават», и процесс «разложения родового строя» в рамках соответствующего уголка Аравии запускался по кругу — до появления нового могущественного лидера.

²⁵ Характерно, что сами курайшиты о нападении на проводника каравана ан-Ну'мана не знали, а когда узнали — срочно бежали в Мекку под защиту святилища. Подобная картина событий никак не укладывается в популярную концепцию «войн *ал-Фиджър*» как борьбы мекканцев со своими конкурентами за торговую монополию. Фактически перехват каравана ан-Ну'мана был никак не связан с торговой деятельностью мекканцев, так как ан-Ну'ман и курайшиты действовали в абсолютно разных экономических нишах. Поэтому наши источники ничего об этой «борьбе» не говорят: «торговые войны» возникли в воображении исследователей — сторонников концепции «мекканской торговой империи».

²⁶ Отметим, что этот важнейший элемент, который обеспечивал благополучие Аравии в условиях стабильной транзитной торговли, предсказуемо отражен в арабской лексике, где имеется особый термин: *аджара* (стандартное значение:

между представителями бану хавāзин и кинāнитов; банū қурайш относились к кинāнитам). Резкое сужение рынка подобных услуг привело к жестокой борьбе за него, включая, как в данном случае, не самые достойные методы: убийство спящего проводника (уверенного в своей безопасности, так как он находился на территории «своего» племени, к тому же в священный месяц) и ведение боевых действий в запретное время (отсюда и название войны *Йаум ал-Фиджār* — «Нечестивая война»).

В том же ряду многочисленных конкретных и локальных последствий сасанидской оккупации Южной Аравии следует рассматривать и возникновение знаменитой «мекканской торговли», вернее обретение ею того вида, который нам известен в период жизни Мухаммада: хотя время переселения в Мекку курайшитов во главе с Кусаййем относится к сер. V в., начало «классической» мекканской торговли датируется именно концом VI — началом VII в.²⁷

«покровительствовать, оказывать помощь, защищать»), обычно в конструкции *аджāрахā лаху*, т.е. «обеспечить покровительство / безопасность [*латйме* (ж.р.)] (т.е. транзитному каравану с благовониями и предметами роскоши) такого-то» (обычно на своей территории). Характерно, что караван ан-Нумāна сопровождал один человек. И это не персонификация группы в лице ее предводителя, а реальность (известная и из этнографической истории Аравии): этот человек представлял свое племя (в данном случае — хавāзин), которое гарантировало безопасность каравана. Не случайно убийство 'Урвы ар-Раххāла тут же привело к нападению бану хавāзин на курайшитов. Речь здесь шла не просто о каком-то отдельном человеке, а о полномочном представителе племени, и не просто об убийстве соплеменника, но о племенной чести и самой способности племени выполнять свои обязательства (в том числе приносящие значительную прибыль).

²⁷ См., например, выводы Шимона [Simon 1989: 70] относительно времени начала «мекканской торговли» (правда, сам исследователь полагал, что это была международная транзитная торговля). Появление ярмарки в 'Укāзе, возникшей в рамках того же процесса, что и «мекканская торговля», также обычно относят к последней четверти VI в. (например, [Большаков 1989: 58, 234 прим. 45; Кистер — через 15 лет после года Слона, т.е. около 685 г. [Kister 1972: 76]). Конечно, можно встретить и другие датировки, базирующиеся на некритическом использовании материала арабских нарративных источников. В частности, М. Хамидулла [Hamidullah 1957], опубликовавший *Kitāb ал-Мунаммақ* Ибн Хāбиба — важнейший источник по истории *йлāф*, полагал, что создание системы *йлāф* относится к 467 г., так как 'Абд ал-Мутталиб, о котором сообщается, что он родился на следующий год после заключения его отцом Хашимом договоров-*йлāф* с племенами на пути из Мекки в Сирию, умер в 578 г. в возрасте 110 лет. Однако время жизни 'Абд ал-Мутталиба, очевидно, значительно преувеличено, кроме

Анализ источников показывает, что в отличие от традиционной *международной транзитной* торговли благовониями, пряностями и предметами роскоши предшествующего периода, знакомой нам по античным источникам, это была совершенно иная — *региональная* — торговля *местными товарами*. Детальный разбор этой темы с подробной аргументацией потребует отдельной статьи гораздо большего размера, чем данная публикация, поэтому ограничусь здесь лишь небольшими комментариями, которые проницательный читатель может опустить (см. *Приложение*).

Сокращение, если даже не исчезновение рынка услуг по транзиту караванов с дорогими «восточными» товарами (*латйма*²⁸) повлекло за собой появление новых форм торговой деятельности. «Мекканская торговля» как раз и возникает как «местная» альтернатива в условиях коллапса прежней транзитной торговли²⁹. Главная ее специфика, помимо географической локализации (не из Йемена в Газу, а из Мекки в Сирию) и ассортимента това-

---

того сама связь какого-либо события с днем рождения одного из многих детей более чем сомнительна: в традиционном обществе никто не запоминает день рождения младенца, даже год рождения Мухаммада весьма условен, да и в последующий период мы чаще всего знаем лишь дату смерти исторических персонажей, восстанавливая год рождения по косвенным признакам, так что подобная точность в данном случае просто невозможна. Наоборот, связь суры о курайшитах с сурой *Асхāб ал-фйл* (в редакции Убаййа б. Ка'ба эта сура является прямым продолжением суры *Асхāб ал-фйл*) указывает на связь этих событий с «походом Слона» [Īlāf, EI², III: 1093]. Поход традиционно датируется 570 г., и хотя дата и идентификация похода условны, но в любом случае речь идет о второй половине VI в.

²⁸ *Латйма* — караван, перевозивший благовония и другие предметы роскоши, — в отличие от «обычного» каравана с местными товарами, именовавшегося *ракб* или *'йр* (для мекканских караванов использовались последние два термина).

²⁹ Уже Большаков отмечал, что одного «фактора святилища» для превращения Мекки в важный торговый центр было недостаточно: «Видимо, в конце V–VI в. произошли такие изменения в направлении экономических связей, которые позволили курайшитам включиться в мировую торговлю и, используя преимущества святого места, обеспечить себе процветание» [Большаков 1989 I: 48]. Таким «изменением» и стало прекращение функционирования трансаравийского пути вследствие персидской оккупации Йемена, только «включились» они не в мировую, а в локальную северо-аравийскую торговлю, превратив ее в заметное региональное явление.

ров, — это способ ее организации: вместо оплаты услуг караванщиков и платы племенам за проход по своей территории и охрану караванов, что делали ранее богатые южноаравийские торговцы, но не могли себе позволить не обладавшие столь серьезными ресурсами мекканцы³⁰, курайшиты начали выстраивать *новую* систему взаимных договоров-*йләф*, где племена участвовали в торговле *за долю будущей прибыли*³¹. Судя по всему, мекканские торговцы забирали по дороге и собственную продукцию этих племен (шкуры, кожаные и шерстяные изделия), а на обратном пути отдавали полученную при их продаже «прибыль». Скорее всего, речь идет не о прибыли в современном смысле (в денежной или иной аналогичной форме), а в виде товаров, в которых нуждались племена. Все это хорошо объясняет как саму возможность и экономический смысл подобной торговли «местными товарами» (как раз и непоняту П. Кроун), так и ее ограниченный масштаб и доходность.

Возможно, основы самой системы *йләф* действительно были заложены Хашимом (или кем-то из его братьев), но «мекканская торговля» в том виде, в каком мы ее знаем во времена Мухаммада, получила развитие именно в последней четверти VI в., когда коллапс международной транзитной торговли через Аравию привел к возникновению регионального торгового центра в соседнем Укәзе и сделал альтернативную торговлю местными аравийскими товарами по-настоящему масштабной и востребованной. «Мекканская торговля» стала, таким образом, по преимуществу торговлей аравийскими товарами, за которые курайшиты получали необходимые им византийские товары,

³⁰ Ср. характерную историю об источнике богатства Қусайя, под руководством которого курайшиты переселились в Мекку: он «унаследовал» имущество некоего приехавшего купца, умершего в Мекке и не имевшего наследников [Al-Baladhuri, *Ansāb al-ashraf* I: 49].

³¹ См., рассказ у Ибн Хәбйба (со ссылкой на Ибн ал-Калби), раздел «Хадйс ал-йләф» [Ibn Ḥabīb, *al-Munatmaq*: 31–40]. Дело здесь, однако, не в том, что «это превратило платных защитников в компаньонов» [Большаков 1989 I: 48] как некий более продвинутый уровень экономических отношений (особая «торговая политика»). На самом деле, это просто более *примитивная* форма организации торговли — единственно возможная при отсутствии «стартового капитала». Хотя изобретение ее в условиях кочевой Аравии, пожалуй, следует рассматривать как реальное «ноу-хау».

реализуемые затем в Аравии, в том числе в 'Ук'азе. Но расцвет этой торговли оказался связан уже не с родом Хашимитов, а с родом Омеййадов, к которым после смерти Абд ал-Мутталиба перешло фактическое главенство в Мекке³².

* * *

Развитие новой системы торговли сделало Мекку важным торговым центром, каковым она ранее никогда не являлась. Несмотря на несомненные успехи (рост благосостояния самих мекканцев и формирование союзов с рядом племен Хиджаза), эта *региональная* торговля, обеспечивавшая самих мекканцев и в какой-то мере их контрагентов, не могла заменить прежнюю транзитную торговлю и таким образом компенсировать глобальные потери *всей* кочевой Аравии и обеспечить полуостров необходимыми ресурсами. Таким образом, кризисная ситуация в Аравии оставалась по-прежнему неразрешенной: в рамках традиционной «торговой» парадигмы решить ее было невозможно. Однако если выйти за рамками парадигмы выход из создавшейся

---

³² Следует отметить, что вопросы специфики «мекканской торговли», поднятые в книге П. Кроун и статьях ее оппонентов, по большей части напрямую не связаны с темой данной статьи. Непонимание смысла базовых проблем, с которыми столкнулся Мухаммад в своей деятельности и исторической парадигмы, которой он следовал (вернее, вынужден был следовать), а именно — создание государства и объединение Аравии (объединение значительной части полуострова с использованием традиционных механизмов родового общества, как уже указывалось, было невозможно), привело к тому, что поднимаемые авторами вопросы часто нерелевантны для понимания сути происходивших процессов. Безотносительно того, чем именно являлась «мекканская торговля», сама по себе она не имела *прямого* отношения к образованию государства в Аравии: торговали мекканцы кожами или ладаном, в принципе, не имеет принципиального значения для интересующего нас вопроса.

Возникновение «мекканской торговли» было *следствием* тех же событий, что и образование государства. Строго говоря, роль Мекки в этом процессе во многом случайна и, возможно, связана с тем, что именно здесь родился пророк Мухаммад, хотя, безусловно, мекканская система торговых договоров, унаследованная Мухаммадом, существенно облегчила его задачу по объединению Аравии. Не исключено также, что именно мекканский опыт помог Мухаммаду найти верный выход из сложившейся ситуации. Тем не менее теоретически немалые шансы объединить Аравию имел, например, и Мусайлима, опиравшийся на значительные сельскохозяйственные ресурсы Йамамы — не менее серьезный старт, чем «мекканская торговля». Но Мухаммад начал раньше, был более талантлив и успешен, и его последователи победили.

ситуации существовал, и к нему, как уже указывалось выше, традиционно прибегали кочевники других регионов.

Есть ли иной способ получить необходимую вещь (в данном случае — «ресурсы»), если ее нельзя купить? Ответ вполне очевиден: ее можно ОТНЯТЬ. Таким образом, для кочевой Аравии в целом единственным выходом из сложившейся в конце VI в. ситуации могло быть получение необходимых ресурсов не через торговлю, но через прямую *экспроприацию своих оседлых соседей*. Однако в условиях племенной раздробленности это было невозможно: на границах Аравии стояли две глобальные империи — Византийская и Сасанидская, и только силы всего полуострова могли иметь какие-то шансы на успех. Популярное рассуждение на тему «слабости» двух империй в результате междоусобной борьбы³³ и появившиеся в этой связи некие «возможности» для варваров не более чем попытка как-то объяснить феномен возникновения ислама и Арабского халифата. Таким образом, с общеисторической точки зрения, смысл миссии Мухаммада состоял в *объединении Аравии в единую систему, способную экспроприровать у оседлых соседей необходимые для существования ресурсы*.

Здесь следует отметить, что попытки в направлении «консолидации» Аравии в этот период предпринимались — и не только Мухаммадом, что указывает на объективную необходимость движения в этом направлении. В этом плане характерна попытка одного из мекканцев — ‘Усмāна б. ал-Хувайриса — занять лиди-

---

³³ Вот, например, типичный пассаж на эту тему: «Византийская и Персидская империи воевали много лет и фактически истощили друг друга. <...> В результате буферные арабские государства перестали существовать <...> Все это открыло новые возможности для арабов» [Khazanov 1993: 463]. В общем, воевали Византия с Ираном, подорвали свои силы, утратили буферные арабские государства — вот арабы и сумели использовать «новые возможности» и завоевать ослабевших соседей. Всерьез обсуждать подобные «концепции» смысла нет ввиду их полного несоответствия реальности. На самом деле, подобные ситуации «истощения» в истории Рима / Византии и Ирана случались неоднократно, напряженная борьба между ними продолжалась, с переменным успехом, более полутысячелетия — с I в. до н.э. и после каждой крупной войны силы соперников неизбежно «истощались». Но это никогда не приводило к их гибели — даже в гораздо более тяжелых ситуациях, чем после последней ирано-византийской войны. Что касается буферных арабских государств, то их ликвидация была организована самими «сюзеренами» и, разумеется, вовсе не из-за собственной «слабости».

рующее положение в Мекке: он предложил заключить выгодный для мекканцев торговый договор с Византией, по которому он, на условиях выплаты небольшой дани, получил бы для общины статус «союзника» империи с соответствующими привилегиями. Мекканцы, однако, категорически отказались от подобного «выгодного предложения», не желая признавать над собой власть своего соплеменника³⁴. Это событие датируется концом VI в.³⁵

В Йасрибе «племена» оазиса также пытались объединиться в единую надплеменную структуру, но это привело лишь к нарушению баланса, вылившемуся в ожесточенную войну — т.н. войну Хатиба, завершившуюся битвой при Бу'асе незадолго до переселения Мухаммада (около 617 г. по оценке М. Уотта)³⁶. Ряд родов выдвинули сильных лидеров (таких как, например, ал-Худайр б. Сим'ак у ауситов или Ка'б б. Асад из бану қурайза), среди которых особенно выделялся 'Амр б. ан-Ну'ман у хазраджитов. Ни одно из племен не хотело подчиняться другому. Более того, возвышение одного из вождей неизбежно приводило к недовольству остальных племен, и такой лидер бывал низвергнут — напрямую через выступление против него одного из враждебных племен либо через предательство союзников, как в случае с 'Амром б. н-Ну'маном. Этот вождь, судя по всему, сознательно пытавшийся стать единоличным правителем Йасриба [Уотт 2007:

³⁴ Предположение М. Уотта, что главной причиной было стремление сохранить нейтралитет в отношениях между враждебными сторонами (Ираном и Византией), не основано ни на чем и едва ли может быть принято в виду своей фантастичности.

³⁵ М. Уотт относит его к самому концу века [Маkка: EI², VI: 146], поскольку произошло оно несколько лет спустя после завершения «войны *ал-Фидж'ар*» [Fidjār: EI², II, 883–884], произошедшей в период правления ан-Ну'мана III (580–602). Война продолжалась 4 года и включала в себя восемь «дней»-сражений, наиболее масштабный «4-й день *ал-Фидж'ар*» О.Г. Большаков датирует ее около 590 г. [Большаков 1989: 65]. П. Кроун датирует на два десятилетия ранее («после 570 г.»), связывая с персидской оккупацией Йемена [Crone 1987: 98, note 44], хотя более вероятно, речь здесь идет не об установлении власти Сайфа б. Зу'Йазана в середине 570-х годов, а именно об оккупации Йемена персидским наместником на рубеже VI и VII веков. Последняя дата более вероятна и соответствует периоду расцвета мекканской торговли накануне последней ирано-византийской войны 604–628 гг.

³⁶ О перипетиях борьбы внутри Йасрибского оазиса см., например: [Уотт 2006: 184–188; Уотт 2007: 172–194; Аравийская старина 1983: 90–95; Bu'āth: EI², I: 1283].

174], «счастливым образом» случайно погиб в битве при Бу'асе, причем не только вследствие активных действий противников-ауситов во главе с Худайром б. Сим'аком, но и в результате «нейтралитета» (а фактически дезертирства) своего союзника 'Абдаллаха б. Убаййа. М. Уотт списывает неудачу 'Амра б. ан-Ну'м'ана на отсутствие у того должных «моральных принципов» и «качеств государственного деятеля», якобы оттолкнувшее от него таких людей, как Ибн Убайй [Уотт 2007: 193], однако главную роль здесь сыграло общее неприятие «авторитарной» политики 'Амра родовым сознанием — причем в равной степени его противниками и его союзниками.

Не менее типична и история самого Ибн Убаййа, сумевшего, по словам Ибн Хишама, объединить Йасриб: его «народ» (*қауму-ху*) уже сделал для него венец, чтобы короновать, но тут появился Мухаммад и соплеменники Ибн Убаййа перешли на сторону Пророка [Ibn Hishām I: 411]. Мусульманское предание, что не удивительно, несколько переосмысливает произошедшее, приурочив низвержение Ибн Убаййа именно к драматическому моменту прибытия в Йасриб Мухаммада, однако по логике событий восхождение и падение Ибн Убаййа должны были произойти *до* призвания внешнего *арбитра* в лице Мухаммада, а не после. Таким образом, мы видим, что объединение оазиса под властью одного из кланов (и, соответственно, *лидера* такого клана) неизбежно и *сразу же* приводило к выступлению других кланов и новому витку хаоса, что и объясняет не понятые П. Кроун противоречия мусульманских источников в описании ситуации в Йасрибе: «Никогда Йасриб не был столь разделен, или же он никогда не был столь един. Это противоречие невозможно согласовать» [Crone 1987: 217]. При правильном понимании сути данного исторического явления (попытки создания (раннего) государства в условиях родового общества) ситуация, напротив, становится абсолютно понятной: чем выше степень объединения, тем мощнее противодействие традиционных родовых структур. Поэтому объединение оазиса под властью одного вождя / клана *сразу же* вызывало ответную реакцию, которая приводила к полному развалу только что созданного единого образования. А разнородные источники, основанные на устных преданиях, донесли до нас лишь отдельные элементы этого калейдоскопа, не связанного в одно последовательное повествование. Причем последующие

арабские историки, жившие в совершенно иной историко-культурной среде и уже не понимавшие аравийских исторических реалий и общей коллизии, тоже оказались не в силах выстроить непротиворечивую картину событий.

Крайне сложно, да и едва ли возможно, точно установить конкретные перипетии борьбы между кланами Йасриба. Проблематично даже установить само деление на «племена» и «роды», поскольку генеалогия нередко лишь в традиционном виде оформляла возникшее в конкретных обстоятельствах политическое объединение. Между тем сам факт ожесточенной внутренней борьбы за ресурсы и неоднократные попытки создать единую структуру, объединявшую разные племенные группы, не вызывает сомнений — как и тот факт, что подобные попытки имели место не только в Йасрибе. Однако на примере этого оазиса, судьбу которого по понятным причинам мы знаем существенно лучше, чем судьбу других мест, мы можем увидеть, с какими проблемами сталкивался любой потенциальный объединитель Аравии: традиционное родовое общество, не признающее главенства «равного», тормозило процесс создания государства на самых ранних стадиях.

Чтобы остановить смуту и прекратить борьбу за власть в оазисе, не имеющую перспективы решения в рамках традиционного родового общества, и был призван Мухаммад. И вовсе не как пророк, а как авторитетный человек — в качестве третейского судьи (*хакам*) [Пиотровский 1981: 11; Пиотровский 1984: 8], аналогичного «создателю» Русского государства Рюрику, хотя и жившему на два с половиной века позже, но решавшему в своей деятельности ту же задачу, что и Мухаммад, в типологически сходной ситуации.

Ситуация в северо-восточной Руси была весьма похожа на ситуацию в Йасрибе. Упомянутое в летописи «изгнание варягов» сразу же — возможно, в том же году — привело к межобщинной войне, в которой, как очень скоро стало ясно всем участникам, не могло быть победителей, что заставило ее участников призвать для улаживания конфликта уважаемого *внешнего арбитра* — конунга Рёрика Ютландского³⁷. В принципе, задача института

³⁷ Полулегендарная фигура, о котором наряду с упоминанием в Никоновской летописи есть информация у Татищева, использовавшего не дошедшие до нас

арбитра — *сохранение* традиционной родовой системы организации общества — за счет обеспечения баланса между различными родо-племенными объединениями на определенной территории (для Южной Аравии более позднего периода подобные структуры арбитража хорошо изучены, в частности Сёрджентом в его знаменитом исследовании “*Haram and Hawtah*” [Serjeant 1962]. К внеплеменному арбитру обращались, лишь когда все внутренние средства и возможности, включая разного рода межплеменные «согласительные комиссии», где встречались представители конфликтующих племен или родов, оказывались исчерпаны). Однако такой внешний арбитр при определенных условиях мог попытаться полностью *изменить* правила игры и стать не судьей, но *правителем*, тем самым начав создавать *иную* систему организации общества — государственную (хотя это, безусловно, было редким явлением). И действительно, очень скоро Рюрик сумел взять под контроль призвавшие его племена и, разгромив племенную оппозицию во главе с Вадимом Храбрым³⁸, стать реаль-

---

летописи, в том числе т.н. «Иоакимовскую летопись». Реальность истории о Вадиме, как и источнике информации Татищева, широко дебатруется, однако она хорошо вписывается в то, что произошло в первые годы правления Рюрика, так что, скорее всего, в какой-то мере отражает реальные исторические события.

³⁸ Роль и место Рюрика в межплеменной борьбе на Северо-Западе широко, с привлечением нового археологического материала, обсуждалась в ленинградской школе славяно-русской археологии еще в 80-е годы прошлого века (хотя сама тема Рюрика восходит еще к спорам XVIII в. вылившимся в двухвековую «варяжскую» дискуссию, имевшую скорее политический, чем научно-исторический смысл), в частности на семинарах Г.С. Лебедева на кафедре археологии истфака ЛГУ, где мне также довелось принимать участие. Пунктирно эти вопросы освещены в книгах Г.С. Лебедева (в частности, во втором, расширенном, варианте его монографии [Лебедев 2005: 490–493]. Из последних работ на эту тему можно ознакомиться со статьей *И.Б. Губанова*. Параллели с Аравией, проводимые в этой статье через «вторые руки», по понятным причинам, не очень точны (а местами даже ошибочны, так как базируются на искусственных построениях Л.В. Негри). Однако основные положения самой концепции «призвания варягов» на базе летописного и археологического материала, как они были сформулированы в рамках исследований вышеупомянутой ленинградской школы в 1980-е годы, изложены в основном достаточно корректно, с удачным добавлением результатов последних археологических исследований в Поволховье [Губанов 2014: 33–41]. Однако для лучшего понимания этого вопроса я бы рекомендовал обратиться к книге археолога и историка С.Л. Кузьмина «От Скифии к России» (одного из наиболее активных участников вышеупомянутых семинаров Г.С. Лебедева), поскольку там наиболее адекватно отражены все перипетии этой борьбы [Кузьмин 2004].

ным *правителем* этого объединения племен, создав и возглавив типичное раннегосударственное образование. Строго говоря, по этому же пути пошел и Мухаммад.

После переселения в Йасриб Мухаммад последовательно укрепляет свой авторитет и постепенно начинает концентрировать в своих руках власть в Йасрибе, в конечном итоге объединив в своем лице *все* основные племенные «должности»: *саййид* — племенной вождь, *‘ақйїд/қāїд* — военный вождь, *хакам* — судья, *кāхин* — жрец, *шāїр* — поэт-оракул, *хатїб* — оратор [подробнее см. Пиотровский 1984: 6–11]. Здесь, однако, надо учесть исторический смысл подобного объединения функций. Их соединение исключительно важно с точки зрения создания государства: «сумма» различных функций дает не количественное увеличение прав и возможностей, но качественно новую сущность — уже не родового вождя, но правителя, «царя».

Особенно важны здесь две «должности» — военного вождя и племенного вождя. В родовом обществе военный вождь, который предводительствует племенным ополчением во время войны или отдельного набега, непосредственно во время *военных действий* обладает *абсолютной властью*, сродни царской: он сам отдает приказы, и воины ему подчиняются беспрекословно — иначе они просто будут разбиты и погибнут. Однако его власть заканчивается вместе с окончанием боевых действий. Типичный пример — история из Дней арабов (*Йаум Барадāн* [Аравийская старина 1983: 85]) о том, как арабский вождь Зийād б. ал-Хабўла, возвращаясь из удачного набега, встал на ночь лагерем и, когда все сидели у костра и дрова подошли к концу, предложил горшок фиников тому, кто принесет вязанку дров. То есть за пределами сражения реальная власть могущественного вождя была меньше, чем у командира отряда в турпоходе, который без особых проблем может послать кого-нибудь из участников за дровами — а военный вождь вынужден за это платить!

Теперь эту книгу найти непросто, однако она опубликована в электронном виде на целом ряде ресурсов, например: http://www.archaeology.ru/Download/Kuzmin/Kuzmin_Ot_Skifii.pdf. В целом это наиболее адекватная интерпретация раннего периода русской истории, гармонично сочетающая в себе общеисторический и археологический подходы, аналога которой в отечественной историографии пока нет.

В отличие от власти военного вождя, власть племенного вождя (*сеййида*) постоянна, но при этом она весьма ограничена традиционными, родовыми нормами и за их пределы не выходит. Поэтому главная коллизия периода становления ранних форм государственности — поиск путей соединения этих двух функций в той или иной форме. Например, совмещение их в одном лице, как это произошло в случае с Мухаммадом, либо *сохранение* власти военного вождя и *после окончания* военных действий, либо увеличение властных полномочий племенного вождя-*сеййида* по аналогии с полномочиями военного вождя.

Характерный пример — многовековая эволюция института правителя в Сабейском царстве от *мукарриба* (аналог — наследник» института родового вождя) к *малику* (изначально — военный предводитель). А.Г. Лундин прекрасно показал в своей докторской диссертации и опубликованной на ее базе книге «Государство мукаррибов Саба'» [Лундин 1971], как постепенно власть переходила от *мукаррибов* к *маликам*. Поначалу (первая половина I тыс. до н.э.) почетнее было быть *мукаррибом* (руководитель строительных и оросительных работ, выполнявший еще и некоторые жреческие функции). Позднее добавляется функция межевания земель, закамуфлированная под «строительную» — установление межевого знака. Позже начинается периодическое «добавление» титула *малика* к «главному» титулу *мукарриба*, обычно в связи с военными походами или «законодательными» функциями³⁹. К середине I тыс. до н.э. титул *малика* становится уже более важным. *Мукаррибы* (точнее, их титул) окончательно исчезают с исторической сцены, превращаясь во второй половине I тыс. до н.э. в полноценных царей-*маликов*. Аналогичный процесс имел место и в Месопотамии, только в III тыс. до н.э.: переход власти от преимущественно вождей-«жрецов» *энси* к (временным) военным предводителям — *лугалям*, которые постепенно становились *постоянными* (и наследственными) царями, оттесняя *энси* на второй план.

³⁹ Наиболее яркий пример: *мукарриб* Кариб'ил Ватар в надписях, повествующих о своих знаменитых походах, открывших сабейцам в начале VII в. до н.э. доступ к «плантациям» ладана на востоке Хадрамаута, именуется *маликом*.

* * *

Для понимания проблем, возникавших на пути объединения различных кочевых племен в единое государственное образование, имеет смысл сравнить Аравию VII в. с Монголией конца XII в., что и делалось неоднократно [Saunders 1977: 36–66; Khazanov 1993: 461–479]⁴⁰. Однако сравнивать следует не столько Чингисхана с Мухаммадом и пытаться найти общее между исламом и «тенгризмом» (культром Голубого Неба — Тенгри у тюрко-монгольских народов), игравшим сугубо второстепенную роль при объединении Монголии (хотя и использовавшимся как один из многочисленных инструментов легитимизации власти хана), сколько Темучина и таких «светских» племенных лидеров, как, например, вышеупомянутый ‘Амр б. ан-Ну‘мāн. Это позволит лучше понять арабийскую специфику, чем сравнение абсолютно несопоставимых религиозных аспектов двух явлений.

Вероятно, в условиях Аравии, за отсутствием не просто традиции надплеменной власти, но даже самой *идеи* верховной власти, у обычных племенных лидеров не было никаких шансов. В монгольской степи уже в тюркское время существовала идея «мандата Неба», передающегося от одного хана к другому (необязательно в рамках одного рода или племени). Так что задача Темучина была лишь доказать, что *именно он* является носителем «мандата» на верховную власть. В Аравии же нужно было заставить другие племена вообще *признать* чью бы то ни было верховную власть, что было можно сделать только с помощью абсолютно превосходящей *силы*, да и то ненадолго Племенной кодекс чести просто не позволял признавать власть *такого же, как они*, племени (признание подчиненного положения было уделом слабых: ни одно уважающее себя племя не хотело переходить в категорию зависимых и во многом бесправных *халифов*).

Достаточно вспомнить хорошо задокументированные попытки подчинить арабийских кочевников ассирийцами в 3 четверти I тыс. до н.э. или, например, химьяритами во 2 четверти I тыс. н.э. В результате очередного похода кочевники признавали военную силу и подчинялись, но уже через десяток лет приходилось организовывать новый поход, чтобы восстановить утраченный контроль. Если мощные оседлые империи (причем Химьяриты уже

---

⁴⁰ См. также: [Матвеев 2015 б].

широко использовали для этого созданные при их поддержке вассальные аравийские «царства») еще могли это сделать, то для кочевого лидера, опирающегося на нестабильное кочевое образование, это было категорически невозможно.

Таким образом, с опорой на чистую силу объединить Аравию в единое государство было нереально физически — в связи с невозможностью собрать в одних руках столь значительные ресурсы, чтобы разгромить всех потенциальных противников, не говоря уже о том, чтобы взять под контроль их территорию. Что мы и видим на практике. Даже самые могущественные племенные лидеры, такие как, например, Кулайб б. Рабй'а [Kulayb b. Rabī'a: EI², V: 362; Негря 1981: 94–95], не имели никаких шансов: его «случайное» убийство, послужившее началом «сорокалетней» войны Басўс между племенами Талиб и Бакр, на самом деле, было вполне закономерным и неизбежным результатом попытки установления единоличной власти среди группы племен (о всей кочевой Аравии речь даже не шла). Аналогичная судьба постигла и другого могущественного вождя Зухайра б. Джазйму (*Йаум Нафравāt* [Аравийская старина 1983: 123]). Список может быть продолжен.

Можно, конечно, отнести эти проблемы к специфике кочевого общества и задаться следующим вопросом. Если невозможно взять под контроль анархически настроенных кочевников, то почему аравийские оазисы не могли стать центрами формирования государства и пойти по пути «обычных» оседлых обществ? Вроде бы в оазисах было такое же оседлое население, как и в других земледельческих обществах, так что чем они хуже, скажем, греческих полисов? Разумеется, они ничем не «хуже». Чисто теоретически это тоже были земледельческие центры, но здесь, по всей видимости, определяющую роль начинал играть фактор наличия или отсутствия необходимой для создания государства степени *концентрации ресурсов*, включающий в себя два параметра: количественный (численность населения и объем производимых им *излишков*) и коммуникационный (расстояния между пунктами, входящими в состав потенциального государственного образования, причем расстояния не в километрах, а в *днях* пути: в горах расстояния могут быть небольшими, но сложность коммуникации практически повсеместно дает нам сильно раздробленное и по объективным причинам неспособное к централизации общество).

При определенной концентрации ресурсов — объем изымаемых у населения *излишков* на единицу *площади* (вернее, некоей производной от времени-расстояния от центра до границ возникающего раннегосударственного образования) — материальные предпосылки для возникновения государства возникают. Чем выше концентрация, тем это сделать проще (и происходит оно раньше по времени), чем ниже, тем сложнее, а потому в таких регионах государства появляются позже, уже в эпоху средневековья. В принципе, чем менее производительное сельское хозяйство, тем больше территория и население, объективно необходимые для получения ресурсов, обеспечивающих существование и функционирование государства. Разумеется, величина этих параметров зависит от разных обстоятельств и меняется в зависимости от времени и пространства (например, повышение производительности сельского хозяйства или / и уровня эксплуатации приводит к уменьшению минимальной требуемой для возникновения и функционирования государства территории — и наоборот).

Стандартная проблема, с которой неизбежно сталкивается создатель раннегосударственного образования, — слабость еще только формирующейся центральной власти: отсутствие административного аппарата и аппарата подавления, даже уже появившаяся в распоряжении правителя постоянная армия («дружина», «гвардия» и т.д.) на начальном этапе уравнивается племенным ополчением. Поэтому и возможности экспроприации ресурсов весьма ограничены: правитель может забрать у населения очень немного, самый минимум излишков, образно выражаясь — только то, что можно «языком слизнуть». Что происходит при попытке увеличить поборы («норму эксплуатации») хорошо видно на хрестоматийном примере князя Игоря (сына Рюрика и мужа княгини Ольги), попытавшегося увеличить дань с древлян и в результате убитый ими в 945 г. Не случайно его сын Святослав пошел искать дополнительные ресурсы за пределы своей территории, отправившись в поход на Дунай, где пытался создать новый центр русского государства (правда, Византия в это время находилась на пике своего могущества и не позволила ему сделать то, что тремя веками раньше удалось Омеййадам в Сирии).

По этой причине ранние государства обычно такие большие по размеру: достаточно вспомнить т.н. «Киевскую Русь» или другие раннефеодальные государства Европы. Другая их характер-

ная черта — активная завоевательная политика на начальном этапе формирования. За этими походами обычно не стоят конкретные геополитические интересы. Их еще просто нет, так как государство и его границы только формируются. Это, если можно так выразиться, «длягосударственные» походы, у них иная цель — *сохранить* едва возникшее государство за счет получения *внешних* ресурсов для его существования и развития.

Все ранние государства сталкиваются с той же проблемой, что и мусульмане в эпоху *ридды*, ясно показавшей объективную необходимость вместо сбора *закята* перейти к получению необходимых ресурсов за счет завоеваний («доходы» от военной добычи значительно перекрывали «расходы» по *закяту*, тем самым постепенно заставив смириться с выплатой одного даже гордых бедуинов). Так что дело здесь не в особой «воинственности» варваров или, например, ислама как религии, а в невозможности изъять необходимый для функционирования государства прибавочный продукт у собственных подданных в виде налогов: проще получить его в результате военных набегов или завоеваний, одновременно обеспечивая и лояльность подданных, заинтересованных в получении добычи, и необходимые государству ресурсы. Затем, по мере развития и укрепления государства (а с другой стороны, роста продуктивности земледелия) появляется возможность изымать несколько большую долю общественного продукта. В результате формируются локальные центры — «княжества», «феоды» разного масштаба и т.д., которые значительно меньше по размеру, чем «раннефеодальные» государства, но гораздо устойчивее — начинается эпоха «феодальной раздробленности»; при этом чаще всего снижаются и масштабы завоевательной активности: она становится уже *не обязательной* для выживания государства.

Второй (а вернее, первый — по времени) вариант возникновения раннего государства — на базе интенсивного земледелия за счет создания оросительной системы, позволяющей сконцентрировать большое количество людей и ресурсов на очень маленькой территории (значительное население и довольно значительные излишки). Это характерно для первых цивилизаций Древнего мира — ранних «городов-государств» Передней Азии, Месопотамии и других, включая цивилизационные центры древней Южной Аравии, возникшие вокруг своих оросительных систем, а затем

постепенно распространившие влияние на соседние территории (отметим, что роль источника дополнительных ресурсов у них играли не столько завоевательные походы, сколько международная транзитная торговля — т.н. «путь ладана»). На определенном этапе на уровень, достаточный для обеспечения существования государственной «надстройки», вышли, в частности, и греческие и италийские полисы.

Почему же этого не произошло в Аравии? Да, земледельческих оазисов на территории Аравии было немало, однако ресурсы такого оазиса были довольно незначительны. Население Мекки во времена Мухаммада — 7–8 тыс. чел. [Большаков 1989: 232–33], Йасрибского оазиса — примерно такое же или несколько больше⁴¹. Медина даже после победы ислама, получив значительные дополнительные ресурсы извне, могла выставить 2,5–3 тыс. воинов, Мекка — и того меньше. Число, явно недостаточное для установления контроля над соседними кочевыми племенами.

А как же знаменитая «мекканская торговля»? Знаменитые союзы-*йлāф*, объединившие значительную часть Аравии, популярный у ряда исследователей всеаравийский «*Рах Мессана*»? В том-то и дело, что это были именно *союзные* отношения, построенные на взаимовыгодных договорах и обеспечивавшие безопасность передвижения мекканским торговцам, ни о каком *доминировании* и подчинении здесь речь не шла вообще (не говоря уже о том, что они реально охватывали лишь часть Западной Аравии). Так что без религиозной санкции со стороны ислама ни о какой попытке взять под контроль соседей и речи даже быть не могло. Кочевников вследствие их мобильности вообще было проблематично взять под какой бы то ни было контроль (в случае необходимости они могли откочевать на другую территорию). Оседлые центры, которые теоретически можно было по очереди захватывать (так, например, шло объединение «городов» древней Месопотамии), находились слишком далеко друг от друга, чтобы

⁴¹ Площадь Йасрибского оазиса — около 2000 га; по подсчетам О.Г. Большакова, минимально необходимая для обеспечения выживания обрабатываемая площадь — 0,25 га на человека [Большаков 1989: 230]. Т.е. мы получаем максимально возможное население в 8 тысяч человек. Впрочем теоретически какое-то количество йасрибцев могло заниматься еще и скотоводством (разведение овец и коз), так что, возможно, население этого крупнейшего оазиса могло быть и несколько больше.

можно было установить над ними эффективный контроль даже в случае гипотетической победы. Ресурсов для размещения гарнизонов и обеспечения безопасности растянутых линий коммуникации — а значит и способа контроля над территорией — у потенциальных победителей просто не было.

Чуть лучше была ситуация в Йамаме, где оазисы расположены более плотно, поэтому там и возникали более крупные племенные союзы. Во времена Мухаммада там, судя по всему, сложилось два довольно рыхлых объединения, во главе одного из которых и встал печально знаменитый Мусайлима. Характерно, что после разгрома последнего в «саду смерти» Халид б. ал-Валид даже не пытался штурмовать укрепленные поселения Йамамы: военных ресурсов для этого у него категорически не было. Но и его противники не имели возможности собрать значительные силы для похода против мусульман (другое дело — оборона своих домов, точнее, многочисленных небольших городищ — общинных укреплений-*утмов*), поэтому и согласились «подчиниться», но на очень мягких условиях, фактически на условиях лишь формального признания ими главенства Медины.

Сложно точно подсчитать минимальное количество людей и ресурсов, необходимых для формирования раннегосударственного образования. Однако при очень низкой концентрации ресурсов (низкая плотность населения и сопряженный с этим низкий объем потенциально изымаемых ресурсов плюс растянутые коммуникации, наоборот, требовавшие дополнительных ресурсов для обеспечения контроля над ними) — ниже некоего минимума, необходимого для обеспечения существования государственной надстройки, — создать надплеменную структуру становится невозможно в принципе — во всяком случае, опираясь на собственные ресурсы региона. Поэтому в условиях *низкопродуктивной* экономики и редкого населения условий для создания государства за счет внутренних ресурсов может и не сложиться вовсе.

Это очевидно и для кочевников, и для аравийских оазисов, и для лесных обществ севера Евразии⁴². Однако горная местность

⁴² Например, на северо-западе Руси возникновение раннегосударственного образования стало возможно только после появления славян, принесших пашенное земледелие и заселивших поначалу поймы, тем самым создав критическую

создает такую же ситуацию: мы видим сохранение племенной структуры и в горном Йемене к северу от Саны, и на территории большей части Афганистана, и в целом ряде районов Северного Кавказа (например, в Чечне), и в других местах. В последующий период, уже в развитое средневековье, после формирования сильных государств по соседству, их правители периодически устанавливали контроль и над горскими племенами, тем самым включая их в свой состав как племенную периферию, однако никаких устойчивых государственных структур там, по вышеозначенным причинам, не возникало. В результате после ослабления соседнего государственного центра племена вновь обретали независимость — вплоть до нового завоевательного похода очередного возвысившегося соседнего правителя⁴³. Однако исходные проблемы, приводившие к такой ситуации, — те же, что и в доисламской Аравии: горные земледельческие общества, как и земледельцы оазисов Аравии, просто не имели (не могли сконцентрировать) *достаточных свободных ресурсов*, чтобы создать сколько-нибудь жизнеспособные государственные структуры⁴⁴.

Поэтому выход, который в условиях объективной недостаточности собственных материальных ресурсов позволил бы преодолеть племенную оппозицию, мог быть найден только за счет *внешней* легитимации власти и опоры на *внешние ресурсы*, что мы и видим в случае с лимитрофными «царствами»: Киндитами, Лахмидами, Гассанидами и пр. Причем здесь нужно учитывать не только военную и финансовую помощь со стороны «сюзеренов», но и духовную — определенную степень сакрализации власти

массу населения и ресурсов, необходимую для запуска процесса формирования государства: традиционная подсека финноугорских и балтских племен в сосновых борах не могла обеспечить достаточных для формирования надплеменных структур ресурсов.

⁴³ Подобные вопросы — отношения племен (кочевых, горских) и государства в мусульманском мире (т.е. в несколько более поздний период, чем рассматривается в данной статье) — являются достаточно популярными темами исследований на Западе, так что данная проблематика изучена в целом неплохо, хотя и далеко не в полной мере (см., например, вышеупомянутый сборник «Tribes and State Formation in the Middle East» [Tribes... 1990]).

⁴⁴ Все это очевидно, однако, к сожалению, при изучении Аравии об этом обычно не вспоминают, и в результате при анализе процессов, происходивших в период возникновения ислама и формирования арабского государства, общеисторические параллели привлекаются крайне редко.

этих царьков, на которые падала «тьень» сакрального статуса соседних империй, тем самым выводя их из круга «равных», как-выми были другие, «обычные» племенные лидеры, и поднимая их на особую высоту (отсюда важность для этих правителей таких вроде бы бесполезных византийских титулов, как, например, «патрикий», чем и пользовалась Византия наряду с деньгами для привлечения на свою сторону варварских вождей). Путь, по которому, не подозревая об этом, пошел Мухаммад, был аналогичен: то же обращение к *внешнему* источнику легитимации, только уже не земному, а *небесному*. И лишь на этом пути у объединителя Аравии появлялся шанс.

Кроме того, нельзя забывать, что и сам кризис, охвативший Аравию, неизбежно коснулся не только социально-экономической, но и идеологической, религиозной сферы. Не случайно это было временем и *упадка традиционных языческих верований* (вероятно, это был постепенный процесс, на пару веков отстававший от Южной Аравии, однако во времена Мухаммада, очевидно, произошел качественный скачок), и широкого распространения т.н. *ханифов* — проповедников особой формы единобожия⁴⁵, что в ленинградской школе арабистики обычно традиционно именовалось «неопределенным аравийским» или общесемитским монотеизмом, из которого вышли и иудаизм, и христианство. Строго говоря, и сам Мухаммад был одним из таких *ханифов*, только несоизмеримо более значительным и успешным.

Подобные попытки апеллирования к высшему источнику легитимации мы видим на практике и за пределами Мекки. Не случайно именно в этот период в качестве высшей точки *ханифского* движения в Аравии появляются многочисленные пророки (в мусульманской терминологии — «лжепророки»), типологически близкие Мухаммаду: Мусайлима, Тулайха, ал-Абхала, ас-Саджжах и др., просто мы знаем о них меньше и в неизбежно тенденциозной интерпретации. Именно благодаря своему пророческому статусу они сумели объединить значительные силы и территории, выступив на последнем этапе своей деятельности против мусульман и потерпев поражение. Но типологически это то же направление исторического развития, апеллирование к тем же

⁴⁵ Этот переход от язычества к единобожию чуть раньше (конец IV — V в.) произошел в соседней Южной Аравии.

надплеменным и надчеловеческим силам, которые только и могли перебороть племенную солидарность (*'аҫабиййа*) и бедуинский индивидуализм (*мурувва*).

Таким образом, причина именно *религиозного* характера миссии Мухаммада как «государствоустроителя» состоит в том, что религиозный авторитет помог ему сломать племенную ограниченность и создать надплеменную (ранне)государственную структуру. Анархические свободолюбивые бедуины категорически не были готовы подчиняться кому бы то ни было из соплеменников, т.е. равному (в этом смысле упомянутый выше пример Йасриба с его борьбой за власть и раздробленностью типичен). А вот Пророку единого Бога было не зазорно и подчиниться, так как это не оскорбляло родовую и индивидуальную честь, и потому *при наличии реальной силы*, стоящей за таким претендентом на господство, у него появлялся шанс. К тому же, ниспосылаемые свыше откровения помогали Мухаммаду сломить сопротивление любой «антигосударственной» оппозиции, возникающее при создании новой формы организации общества.

* * *

Как именно происходил процесс возникновения государства в Аравии? Разумеется, ни о каких подобных «сверхзадачах» Мухаммад не думал, понимая свою миссию сугубо в терминах установления и распространения «истинной веры», а не личной светской власти: построение государства, таким образом, началось именно с получения откровения, некоего религиозного императива. Очевидно, Мухаммад интуитивно почувствовал внутреннюю нестабильность арабийского общества, возникшую вследствие кризиса. Отчасти это было обусловлено и личным опытом, ведь род Мухаммада, дед которого 'Абд ал-Мутталиб был наиболее авторитетной фигурой, фактически главой Мекки, в последней четверти VI в. после смерти своего «патриарха» почти мгновенно захирел и утратил всякое влияние. На его место пришли иные люди, богатые купцы-Омеййады. Вероятно, этот упадок древнего рода вовсе не случайность, но отражение все тех же кризисных явлений, возникших в арабийском обществе в конце VI в.: Хашимиты, возможно, просто не смогли перестроиться и в полной мере «вписаться в рынок», т.е. в новую форму торговли.

‘Абд ал-Мутталиб был еще типичным родовым лидером, главой «совета», который, как и его отец Хашим, ежедневно резал для своих сородичей баранов и кормил похлебкой-*сарид* «людей на равнине, а животных на вершинах гор» [Ibn Hishām I: 33]. Судя по всему, он тоже как типичный родовой лидер раздавал большую часть своего имущества, что в соответствии с традицией конвертировалось в авторитет среди сородичей. Однако ему почти нечего было оставить своим потомкам, в частности любимому внуку Мухаммаду. Но это указывает и на общий «неденежный» характер «богатства» мекканцев в традиционный период. Знатные и богатые люди имели скот (не случайно платой Мухаммаду за услуги по сопровождению товаров Хадиджи были вовсе не деньги или даже товары, а четыре молодых верблюда) и, в ряде случаев, еще и определенное количество зерна (как и все типичные кочевники, для которых единственным богатством был скот, а временными «сбережениями» — выменянное на него зерно), но не деньги и золото / серебро, которое можно передать потомкам (что в очередной раз объясняет причину возникновения договорной системы торговли (*йлāф*): изначального капитала, чтобы платить за проход караванов у мекканцев не было).

Омейяды же, судя по всему, первыми сумели приспособиться к новой ситуации, став лидерами уже нового типа. (Не случайно именно они затем сумеют создать династию и полноценное развитое государство. У них уже было понимание смысла происходящих изменений, отсутствовавшее у их соперника Али — очень набожного и лично храброго, но еще сохранявшего менталитет человека традиционного родового общества.) Это видно как из событий, отразившихся в рассказах о жизни Мухаммада, так и из дошедших до нас оценок их деятельности. Типичное «сравнительное описание» двух родов приводит ал-Калби со слов одного из главных авторитетов в области ранней истории Омейядов — ‘Авāны б. ал-Ḥакама ал-Калби (ум. 147/764 или 153/770 [‘Awāna b. al-Ḥakam al-Kalbī // EI², I, 759]), умеренно-проомейядского автора, которого трудно заподозрить в нелюбви к династии: «Али б. Абу Талиба спросили о бану Хāшим и бану Умаййа. Он сказал: “Бану Хāшим — самые прекрасные (*афбах*), красноречивые (*афсах*) и щедрые (*асмах*), а бану Умаййа — самые хитрые (*амкар*) и лживые (*афджар*)”» [Ibn Ḥabīb, *al-Munatmaq*: 31].

Видимо, для передатчика этой истории, симпатизировавшего Омеййадам, в ней есть лишь констатация очевидной разницы «талантов» этих двух важнейших курайшитских родов — «священного» и «торгового». Для нас же здесь ясно показана разница между традиционным *родовым* лидером, чьи главные добродетели — щедрость и красноречие (не следует забывать, что глава мекканцев выполнял еще и роль арбитра-*хакама*, по крайней мере в курайшитских делах), и главой *торгового* сообщества, чья основная «добродетель» — хитрость и изворотливость. В условиях кризиса старые добродетели уже не позволяли выживать не имевшим внутренних ресурсов мекканцам, поэтому вовсе не случайно на первый план в Мекке выдвигаются именно Омеййады, очевидно, более гибкие, чем их соперники.

После смерти ‘Абд ал-Мутталиба главенство в роде ‘Абд Манāф переходит к представителю другого субклана — ‘Абд Шамс — Харбу б. Умаййе (он был сыном Умаййа — основателя-эпонима рода Омеййадов и внуком ‘Абд Шамса — брата Хāшима и, таким образом, внучатым племянником ‘Абд ал-Мутталиба). Причем фактически речь шла и о главенстве в Мекке в целом (знаменитый враг Мухаммада Абу Суфйан становится главой рода — и Мекки — только после гибели других лидеров клана в битве при Бадре). Многочисленные сыновья ‘Абд ал-Мутталиба (десять) во главе с аз-Зубайром не хотели ему подчиняться и стали действовать уже как самостоятельный род, а около 590 г. создали союз *хилф ал-фудул* для помощи «незаслуженно обиженным в Мекке» (подробнее см. [Большаков I: 59, 234–235]), фактически направленный против Омеййадов и, по всей вероятности, объединивший тех, кто не принял произошедшие под руководством последних изменения. В этот союз входил и Мухаммад, что не могло не сказаться на его отношении к происходящему в Мекке, да и в Аравии в целом.

Чуткая душа Мухаммада откликнулась на «вызов времени», и выход из общеаравийского кризиса, в конечном итоге, был найден — через объединение Аравии под эгидой новой веры, в чем и состоял *социально-исторический* смысл миссии Мухаммада для арабов и Аравии. Но нужно особо подчеркнуть, что речь не идет о механическом «объединении Аравии», как это часто понимается, но именно о *создании государства* — качественно новой, *надплеменной структуры*, в свою очередь включившей в себя —

на разных условиях — различные родовые единицы аравийского общества, а затем также остатки бывших южноаравийских государственных структур. Весь этот конгломерат разнородных, на начальном этапе по преимуществу еще родовых элементов объединяла в единое целое именно мединская община во главе с Пророком. Выстояв в период «родовой реакции»-*ридды*, его преемники-халифы продолжили его дело. Походы на земли оседлых соседей, начатые еще при Пророке (именно он, по наитию отправив первые отряды в византийские земли, указал этот путь — единственно возможный для сохранения и укрепления создаваемого им государства), дали те материальные ресурсы (и даже в гораздо большем количестве), которые раньше удавалось получать в результате торговли. Кризис в Аравии был разрешен — через прямую экспроприацию оседлых соседей, а образование грандиозного Арабского халифата, как и в случае с другими кочевыми империями, — это лишь неизбежный побочный продукт этого процесса.

Однако через полвека, когда волна завоеваний схлынула и центр Халифата переместился в Сирию, «Пустынная Аравия» (может быть, за исключением собственно Хиджаза, наиболее тесно связанного с хаджем, и где Мекка и Медина вскоре превратились в полноценные города) постепенно вернулась в свое догосударственное, «родовое» состояние. Конечно, изменения в Аравии произошли, включая поверхностную исламизацию кочевников, но в целом они не затронули основ родового строя. Все вернулось на круги своя, только на смену древним караванам с благоволиями и «восточными товарами» пришли караваны паломников, обслуживание которых теперь обеспечивало аравийских кочевников дополнительными ресурсами, необходимыми для бесперебойного функционирования традиционной кочевой системы хозяйства и кочевого образа жизни.

В заключение хотелось бы рассеять возможное недоумение мусульманских коллег, для которых столь «земные» основания небесного Откровения могут показаться несколько неожиданными. На самом деле никакого противоречия с мусульманской традицией в предложенной здесь интерпретации предпосылок миссии Мухаммада нет. Как известно, Господь всегда посылает

помощь своему народу именно в самый тяжелый момент его истории, когда «земными» силами его спасти уже невозможно или, выражаясь современным языком, когда уже невозможно доступными средствами решить возникающие перед народом проблемы, что мы и видим на примере арабов и Аравии. Попытаться же понять, почему именно время Мухаммада было выбрано для ниспослания Откровения, уже не только можно, но и нужно.

P.S.

Итак, мы попытались кратко изложить *общую концепцию* и причины образования государства в Аравии, принявшего форму возникновения ислама. Ввиду ограниченности объема статьи мы не ставили задачу привести все примеры и аргументы, которые можно найти в источниках. В принципе было бы целесообразно *заново пересмотреть* все имеющиеся в нашем распоряжении сведения по доисламской Аравии и времени возникновения ислама под *новым углом зрения*. Фактически именно это в свое время и сделала Кроун и нашла немало неожиданных сведений, не учтенных ее предшественниками. Однако ввиду принципиальной ошибочности ее исходных постулатов (а, возможно, еще и наличия сознательной тенденциозности), значительная часть материала, к сожалению, была ею интерпретирована не вполне адекватно, так что ее выводы нуждаются в проверке, а в ряде случаев — и в полном пересмотре.

Другое дело, что при новом обращении к источникам нужно понимать, что именно необходимо искать, иначе это новое обращение мало что даст. Ранние арабские источники — нарративные, полуэпические (во всяком случае, с сильным фольклорным элементом), к тому же долго передававшиеся устным путем — требуют серьезного критического анализа, но главное — дают неполную информацию. То, что было очевидно и лежало на поверхности, в целом уже хорошо изучено, но для полноты картины недостающие элементы необходимо восполнять при помощи аналогий и не слишком популярных ныне теоретических построений, описывающих общие закономерности исторического развития.

Так, в упомянутой выше истории о том, как Зийād б. ал-Хабūла заплатил финики за принесенные к костру дрова (*Йаум Барадāн* [Аравийская старина 1983: 85]), кто-то увидит лишь характерный

пример «бытописания», своего рода этнографическую деталь: как усталый вождь в холодную ночь готов отдать горшок фиников за вязанку дров; или как леность спутников Зийāда помогла его врагам-лазутчикам «легализоваться» в лагере: в отличие от воинов Зийāда шпионы не поленились и дрова принесли, получив не только финики, но и важную информацию, обеспечившую вражескому войску победу на следующее утро. Но если понимать, о чем идет речь, то можно увидеть и нечто большее: это ценнейший — и характернейший — пример ограниченности власти «военного вождя» в Аравии (в данном случае Зийād выступает в качестве военного предводителя-*қā'ида* в набеге за добычей), который мгновенно утрачивает ее после окончания боевых действий.

Таким образом, если правильно понимать историческую коллизию, мы сможем восстановить утраченные части доисламского «пазла», а если нет, то тогда хиджаские домотканые одежды будут превращаться у нас в йеменские драгоценные ткани, как у Сёрджента, а смыслом жизни мекканцев станет транзит йеменских «предметов роскоши» в Византию. Непонимание общеисторических закономерностей (в данном случае — особенностей развития кочевого общества и проблем становления государства) неизбежно приводит к произвольной интерпретации и модернизации имеющихся фактов, которые слишком фрагментарны, чтобы дать полную и однозначную картину происходящего. В результате мы получаем разнообразные «картины», созданные воображением авторов. Взгляд из Лондонского Сити создает в Аравии «меркантильную экономику», которая вступает в конфликт с традиционными родовыми ценностями и приводит к кризису, который разрешает Мухаммад (М. Уотт). Взгляд с марксистской (точнее, вульгарно-марксистской) колокольни находит в Аравии конца VI — начала VII в. процесс «распада родового строя» и «сложение классового общества» (Л.В. Негря), завершающим этапом которого становится государство Мухаммада (прекрасная иллюстрация известного ленинского тезиса о том, что государство «появляется там и тогда, где и когда появляется деление общества на классы», однако оказавшегося абсолютно неверным, поскольку реальный процесс был строго противоположным: классы постепенно складывались «под зонтиком» государства). А взгляд с Йеменского нагорья вообще обнаружи-

вает обратный образованию государства процесс: *распад* государств и «вождеств» в кочевой Аравии и возникновение... племен (А.В. Коротаев)⁴⁶! Список таких «интерпретаций» может

⁴⁶ А.В. Коротаев вполне предсказуемо опирается на выводы, сделанные им на основании изучения ситуации в Южной Аравии (см. пожалуй, лучшую обобщающую работу по типологии развития Йеменского нагорья в первой половине I тысячелетия н.э., опубликованную им на базе своей докторской диссертации [Коротаев 1997]). Но, к сожалению, проецировать ситуацию йеменской оседлой цивилизации на кочевую Аравию не вполне корректно. В Йемене в конце VI в. происходил процесс, который обычно называют «бедуинизацией» Южной Аравии, т.е. упадком государственных (добавим — и «вождеских») структур и установлением власти племен в условиях коллапса центральной государственной власти. Однако даже в Йемене за «кулисами» этого процесса стоят внешние игроки: не отрицая общего упадка центральной власти в Химьяре, нельзя не учитывать, что этот процесс достиг серьезных успехов именно в ситуации фактического захвата Южной Аравии Сасанидами (см. выше). Понятно, что ни о каком контроле территории за пределами крупных городов речь и не шла (что и отмечалось всеми историками как «слабость» сасанидского контроля). Вот в этих условиях слабости центральной власти и стало возможным проникновение кочевых племен в Южную Аравию и установление их контроля над сельской округой (в отличие от кочевников, где каждый мужчина был воином, сельское население Южной Аравии к этому времени уже утратило воинские традиции племенного ополчения, а потому самостоятельно не могло оказать сопротивления пришедшим извне кочевым племенам).

Что касается кочевой Аравии, то здесь никакого «внутреннего» распада царств и «вождеств» мы не наблюдаем. Исчезновение арабских «царств», столь поразившее А.В. Коротаева, было вовсе не следствием некоей воображаемой «адаптации», т.е. борьбы арабов с «царями»-эксплуататорами, отбирающими последние продукты у несчастных бедуинов в условиях (столь же воображаемой) экологической катастрофы, а действием *внешних* игроков: и Гассанидское (в 582 г.) и Лакмидское (в 602 г.) царства были ликвидированы соответствующими империями, исходя из собственных интересов, а вовсе не «свободолюбивыми племенами».

В случае Киндитского царства такой очевидной внешней «злой воли» вроде бы не наблюдается, что позволяет А.В. Коротаеву развивать теорию об успешной борьбе арабов с эксплуататорской царской властью. Однако если посмотреть на общеюжноаравийский контекст, то становится вполне очевидным, что падение Киндитов обусловлено прекращением их поддержки со стороны Химьяра, вызванной реальным кризисом в Йемене в связи с попыткой Зу-Нуваса установить иудаизм в качестве государственной религии. Гражданская война и эфиопская интервенция в Йемене надолго привели к прекращению активной аравийской политики Химьяра (включавшей создание зависимых пограничных «государств» / вождеств) — вплоть до походов Абрахи в середине VI в. Как раз на вторую четверть VI в. и приходится события «Дня» Худжра — последнего «царя»

быть продолжен: можно найти интерпретацию на любой вкус, только не ясно, какое все это имеет отношение к реальной истории кочевой Аравии.

Так что искренне надеюсь, что данная публикация окажется полезной в осмыслении и изучении реальных исторических процессов, происходивших в Аравии в период жизни Мухаммада и приведших, в конечном итоге, к образованию арабского государства — халифата и возникновению новой монотеистической религии — ислама.

Приложение. О «мекканской торговле»

Специфика «мекканской торговли» и ее «региональный», а не международный транзитный характер были детальнейшим образом разобраны и убедительно показаны в книге П. Кроун «*Meccan Trade and the Rise of Islam*» [Crone 1987]⁴⁷, однако эта по меньшей мере противоречивая книга была весьма неоднозначно принята востоковедным сообществом. Принципиально неверное направление дискуссии, заданное провокационным характером работы П. Кроун, привело к конечным неправильным выводам не только ее саму, но и, самое печальное, ее оппонентов, в результате чего с водой выплеснули и ребенка, а именно *неожиданность* «мекканской торговли» конца VI — начала VII в. и более ранней античной торговли ладаном и другими дорогостоящими «восточными товарами». Вопрос о «мекканской торговле» и сторон-

---

Киндитского царства. Падение Киндитского царства и безуспешные попытки его восстановления сыном Худжра крупнейшим доисламским поэтом Имру-уль-Кайсом хорошо отражены в «Днях Арабов»: *Йаум Худжр* [Аравийская старина 1983: 100–109]. Наиболее подробно, с большим количеством поэтических деталей, эта история отражена в *Kutāb al-Aḡānī (Dhikr Imru' al-Qays wa nisbihi wa akhbarihi: Abu-l-Faradj al-Isfahānī: IX, 77–107; русский перевод: Абу-л-Фарадж ал-Исфахани 1980: 85–105]*. Таким образом, все базовые постулаты теории Коротаева не находят подтверждения в фактах северо-аравийской истории.

⁴⁷ Я особо благодарен А.Д. Кнышу. После моего доклада, посвященного светскому аспекту миссии Мухаммада, на BRISMES'е в Окфорде в 1997 г., он указал мне на эту неоднозначную, но важную книгу. Ленинградские коллеги, как и норвежские, с которыми я в то время работал, относились к ней скептически, так что я не обратил на нее должного внимания (в «Истории халифата» О.Г. Большакова она лишь мельком упомянута в сноске как работа, автор которой высказал сомнения в достоверности арабских источников [Большаков 1989: 226, прим. 41]).

никами, и противниками концепции Кроун ставится так: либо это была региональная торговля дешевыми «местными» товарами, и тогда ее ведение с удаленной от «потенциальных покупателей» территории Мекки невозможно и, таким образом, Мекка *не была* торговым центром⁴⁸, либо Мекка *была* торговым центром, но центром *трансаравийской* «восточной» торговли благовониями и прочими предметами роскоши.

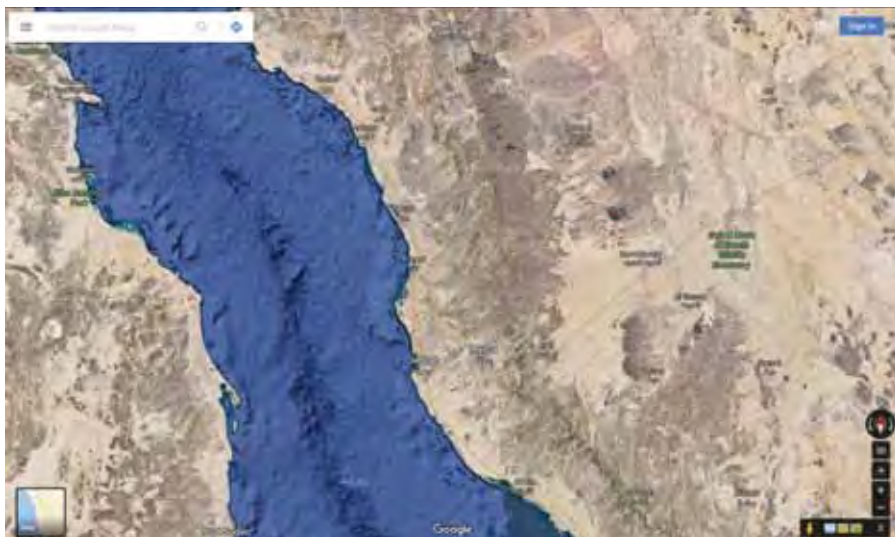
Именно в рамках этой парадигмы и пытался опровергнуть Кроун в своей рецензии Сёрджент [Serjeant 1990], ища подтверждение того, что мекканцы все-таки торговали предметами роскоши — благовониями и дорогими одеждами, однако в целом его аргументы оказались малоубедительными, а иногда и ошибочными. В результате его рецензия, призванная уничтожить «арабистического Фоменко», лишь дала оному новые козыри, и «поле боя» осталось за Кроун, ответившей Сёрдженту уничижительной «рецензией на рецензию» [Crone 1992]. В таком же ключе пытался возражать Кроун и крупнейший специалист по торговым путям доисламской Аравии М.Д. Бухарин, стремясь доказать, что Мекка все-таки лежала на «пути благовоний» [Bukharin 2011]⁴⁹,

---

⁴⁸ Вытекающую отсюда теорию Кроун о том, что центр активности курайшитов располагался не в Мекке, а в Западной Аравии недалеко от границ византийской Сирии, оставляю в стороне как излишне фантастичную.

⁴⁹ Эти вопросы рассматриваются и в разделе монографии М.Д. Бухарина, посвященном участку «пути благовоний» в районе Мекки (Биша–ат-Та'иф–Мекка–Медина) [Бухарин 2009: 223–233]. Однако в отличие от упомянутой выше взвешенной и осторожной английской статьи этот раздел его замечательной книги кроме скрупулезного анализа античных и эпиграфических источников содержит и принятые на веру обобщения его коллег-арабистов, на переводы и выводы которых он как преимущественно «классик» вынужден опираться. В результате он попадает под влияние широко распространенных и глубоко укоренившихся представлений западного востоковедения о «мекканской торговле» как торговле ладаном и предметами роскоши, что вероятно, неизбежно, так как контраргументация П. Кроун, особенно с учетом эпатажности ее стиля, оказывается недостаточно убедительной и не может перевесить «консенсуса» ее многочисленных оппонентов в принципе.

В результате вследствие скрупулезности автора в данной части в той или иной мере нашли отражение едва ли не все существующие сегодня представления и мифы о «мекканской торговле» — от Ламменса и вплоть до недавней экзотической теории Хека, попытавшегося переосмыслить и даже превзойти изыскания Кроун, о том, что главным источником богатства мекканцев была торговля драгоценными металлами — серебром и золотом [Неск 2003]. Единственное, по пово-

Карта 1

но собранные им свидетельства источников подтвердили лишь существование в VI в. трансаравийского торгового пути, проходившего через Южный Хиджаз, т.е. область, в которой расположена Мекка. Однако ни одного факта, указывающего на то, что этот транзитный торговый путь проходил *именно через саму Мекку*, он обнаружить не смог.

Последнее не удивительно: традиционный маршрут благовоиний шел из йеменского Наджрана на северо-северо-запад в сторону Газы вдоль *восточных* склонов Хиджаза (на стыке Хиджаза и Неджда), а Мекка лежала на противоположном, обращенном к Красному морю *западном* склоне. Делать «крюк» в сотню с лишним километров, чтобы зайти в Мекку, где не было в должном

ду чего автор однозначно высказал сомнение — это масштабная *морская* торговля мекканцев (Мекка как сухопутная и морская (sic!) торговая империя — это тоже один из популярных *topoi* «мекканской» темы в западной арабистике), — ввиду очевидного отсутствия в Мекке леса и традиций мореплавания. Но даже и здесь курайшиты сумели использовать свое «промежуточное положение между морскими и сухопутными путями для оказания влияния на них» путем грабежа и через «стремление переориентировать торговые потоки в Мекку» [Бухарин 2009: 230]. Впрочем, нельзя не согласиться, что оказать влияние им действительно в определенной мере удалось: потерпевший кораблекрушение византийский корабль курайшиты купили и переориентировали в Мекку, где он пошел на строительство Каабы.

количестве ни пастбищ, ни воды, для караванов, спешащих на север, не имело никакого смысла. Если к этому добавить существование неподалеку от Мекки, да еще непосредственно *на пути* крупного оазиса — Таифа, то отклонение на несколько переходов от основного маршрута да еще по гористой местности — это уже вообще лежит за пределами разумного. Здесь необходимо четко понимать разницу между региональной торговлей Хиджаза и транзитной торговлей, связывающей Южную Аравию со Средиземноморьем. Единственное, что определяет линию *транзитного* маршрута, — наличие воды, пастбищ и удобство местности с точки зрения передвижения вьючных животных, в данном случае — верблюдов. Всё. Посещение всевозможных местных ярмарок типа ‘Ук̣аза, не говоря уже о каких-то региональных святилищах, для участников дальней караванной торговли не имело никакого смысла — они же не коробейники. Их волновала безопасность транспортировки товаров, а не местной розничной торговли: она к ним не имела никакого отношения, это абсолютно разные экономические ниши.

Собственно, именно этот вывод о ненужности захода в Мекку следует и из выкладок самого Бухарина: «После Таифа дорога разделялась на две ветви, одна в Мекку, другая — прямо в Медину» [Bukharin 2011: 122]. Если учесть, что Мекка лежит к *западу* от Таифа, а Йасриб — в *северном* направлении (то, что Йасриб находился на трансаравийском торговом пути, сомнений не вызывает), то отсюда со всей очевидностью следует, что караваны из Южной Аравии, проходящие через Таиф, лежавший в 70 км к востоку от Мекки, в саму Мекку *не заходили*, а проходили мимо, следуя своим маршрутом на север в сторону Йасриба (см. карту 1). На «ладанном» маршруте, идущем из Бйши (важный перекресток и оазис на полпути между Наджраном и Таифом — см. карту 2) через Таиф, настаивает Михаил Бухарин [Bukharin 2011: 122], в то время как А. де Мегре полагал, что маршрут проходил еще восточнее, а именно шел из Бйши через ‘Ук̣аз, минуя не только Мекку, но и Таиф [De Maigret 1997]. Впрочем, при любом из вариантов маршрута Мекка оставалась как минимум в 2–3 переходах к *западу* от стандартного караванного пути на север.

Таким образом, единственной причиной заходить в Мекку являлась и является сама Мекка, а не ее «удобное географическое

Карта 2

положение», каковое с точки зрения трансаравийского маршрута является **исключительно неудобным** со всех точек зрения (см. Карта 1). Сегодня причины для посещения Мекки очевидны, как и были очевидны на протяжении всего исламского периода, поэтому все существующие и существовавшие последние 14 веков аравийские маршруты проходят через нее. Но до момента возникновения ислама никакого смысла строить свой маршрут к Средиземному морю через негостеприимную мекканскую долину не было вовсе.

Точный ответ на вопрос, как именно проходил маршрут — через Таиф или ‘Укāз, — дать сложно, так как аргументы М. Бухарина во многом косвенные. Едва ли не важнейший аргумент — трудности пути по лавовым полям Харрат ал-Буқūм, которые должны были препятствовать движению караванов из Бйши в ‘Укāз. Сложно оценить степень проходимости этих лавовых полей (которые действительно *могут быть* непроходимыми), тем более что и мнение самого М. Бухарина базируется на печальной судьбе верблюдов экспедиции В. Фезигера., не переживших в 1934 г. переход через лавовые поля... Эфиопии [Bukharin 2011: 121]. Что касается реконструкции конкретных деталей пути, то думаю,

что без прохождения маршрута пешком или на верблюдах мы не получим окончательного ответа⁵⁰.

Чтобы специфика данной проблемы была более понятная, приведу пример, касающийся установления деталей южной части того же древнего торгового маршрута. Если бы не путешествия Филби, лично прошедшего эту часть маршрута, мы бы до сих пор думали, что южная часть «пути ладана» шла от Шабвы в Хадрамауте по дуге, огибая пустыню Сайхад (Рамлат ас-Саб'атайн) с юга. Однако его поездки показали, что в реальности этот маршрут проходится много севернее, пересекая пустыню наискосок (по хорде) от вади Хадрамаут до вади Джауф, по узкому галечному коридору Саниййа, пересекающему труднопроходимые барханы пустыни Сайхад [Beeston 2005: 56]. В принципе, исходя из опыта работы в этом районе, представляется, что пустыня севернее Мариба вполне проходима, но даже сегодня на джипе это непростое дело. К этому нужно добавить проблему обеспечения питьевой водой при достаточно медленном движении каравана через пески, так что без существования вышеупомянутого галечного коридора ее было бы пересечь непросто. Между тем предполагаемый маршрут, огибающий пустыню с юга вдоль гор, не менее тяжел, поскольку там — во всяком случае, у склонов, обращенных в сторону Мариба, — встречаются участки, усыпанные

---

⁵⁰ Отмечу, что при изучении северной части пути «из варяг в арабы», или «пути серебра», по которому арабские дирхемы из Прикаспия и Средней Азии поступали на территорию Руси и далее на Балтику, как и локальных маршрутов на Северо-Западе Руси, мои коллеги широко использовали методику выдающегося ленинградского археолога-слависта Г.С. Лебедева (как уже указывалось, в его семинаре на кафедре археологии ЛГУ я состоял во второй половине 1980-х годов, участвуя в исследованиях Северо-Запада) — вроде бы, вполне очевидную, однако далеко не общепризнанную: лично проходить изучаемые маршруты пешком и / или на лодках. Это позволяло на практике определить *реальность прохождения* того или иного теоретически *предполагаемого* маршрута, не говоря уже о том, что давало полевой материал, подтверждающий и уточняющий этапы его функционирования.

К сожалению, совместный с саудовцами проект изучения юго-запада Саудовской Аравии (Джизан, Асир и примыкающие к нему области) силами ВФ СПбГУ и ГЭ, о котором в 2011г. были достигнуты принципиальные договоренности, прекратил свое существование из-за расхождений позиций РФ и КСА по Сирии, так что реальных шансов проверить маршрут «пути ладана» на местности у нас, к сожалению, сейчас нет и, похоже, не предвидится, а значит, нет и шансов решить данный вопрос.

кусками черного вулканического туфа, передвижение по которым крайне затруднительно. Все это хорошо объясняет отсутствие упоминаний о торговле ладаном во второй половине I тыс. до н.э. в Катабанском и Сабейском царствах. Впрочем, до сих пор нередко можно встретить карты, рисующие воображаемый «путь ладана» как идущий из Шабвы в Ма'ин через Тимну и Мариб.

В отличие от йеменских караванов, идущих с юга, сами мекканцы, направляясь в Сирию, вполне логично выбирали *прибрежный* (более западный) маршрут через Тихаму — чтобы не пересекать горы Хиджаза, что видно из всей имеющейся у нас информации (достаточно вспомнить, что битва при Бадре произошла именно на этом «тихамском» маршруте). Исключением были те случаи, когда по дороге нужно было забрать изюм из Таифа: тогда мекканцам приходилось переваливать через Хиждаз на восток в сторону Таифа, откуда они уже выходили на стандартный общеаравийский транзитный маршрут, идущий через оазис Нахла на Йасриб, естественно, минуя Мекку. В этом плане характерна история одного из первых набегов (*сариййа*) под руководством Абдаллаха б. Джахша, который по указанию Мухаммада сделал засаду и напал в Нахле на мекканский караван (*'ир*) с «изюмом, кожей (*адам*) и прочими товарами (*тиджара*) курайшитов» [Ibn Hishām I: 424]).

Итак, признав очевидный факт существования «мекканской торговли» (рассуждение Кроун о ее невозможности и «нерентабельности» является не более чем курьезом), вопрос нужно ставить иначе: не «существовала ли мекканская торговля предметами роскоши («восточными товарами»)», а *что именно* из себя представляла «мекканская торговля» и как она функционировала.

В принципе, торговля предметами роскоши (которую традиционно приписывают мекканцам оппоненты Кроун) хорошо известна арабским источникам. Для обозначения таких караванов использовался термин *латйма* — в отличие от «обычного» каравана (в том числе и караванов курайшитов), именовавшегося *ракб* или *'ир*. Грузами таких караванов названы различные благовония (мускус (*миск*), амбра (*'анбар*), духи (*тйб*)), тонкие ткани (*базз*⁵¹)

⁵¹ Судя по арабским толковым словарям, этим термином могли обозначать и шелковую, и смешанную (из скрученных шерстяных и шелковых нитей) ткань. Точнее установить, какая именно ткань имела в виду, едва ли возможно, однако

и украшения (*джаухар*)⁵². *Латīmой* источники именуют караваны, посылаемые персидским наместником к сасанидским шахам (вероятно, речь идет о караванах, направлявшихся по восточной ветви традиционного торгового пути из Наджрана через Карйат ал-Фау в Бахрейн или Месопотамию), и караваны лахмида ан-Ну‘мāна б. Мунзира (580–602), которые тот отправлял из Хиры на ярмарку в ‘Укāзе через Дūмат ал-Джандал и Хайбар⁵³. Эти караваны неред-

---

несомненно, что речь шла о высококачественных дорогих тканях — в отличие от обычных «домотканых», которыми торговали курайшиты и для которых использовался термин *суйāб*. Кроун считала, что *суйāб* — это шерстяная одежда (clothing), в чем в вышеупомянутой рецензии усомнился Сёрджент, полагавший, что это была, скорее, *ткань* (cloth). Однако *суйāб* — это чаще всего именно одежда, из *любого* материала, обычно верхняя, простого покроя (т.е. не состоящая из многих частей, в отличие, например, от штанов) [Lane 1863–1893 I: 362 b]. А также в скобках Лэйн приводит как возможный вариант «кусочек ткани», хотя все приведенные им многочисленные примеры, включая коранические, дают только одно значение — «одежда»; другие классические словари тоже дают нам значение «одежды». Откуда Сёрджент взял исключительно «ткань», непонятно. Впрочем, суть от этого не меняется: речь идет о том, что «обычные» мекканские караваны перевозили именно одежду из простых тканей домашнего производства.

⁵² Все источники называют мускус; духи и ткани упомянуты в *Лисāн ал-‘Араб*, амбра и украшения — у Ибн ‘Абд Раббихи («*Йаум ас Сафка ва Йаум ал-Кулаб ас сāни* [Ibn ‘Abd Rabbihī: 789]).

⁵³ Это не отрицает возможности для посланцев ан-Ну‘мāна покупать в ‘Укāзе и йеменские товары (на этот факт указывал Сёрджент, пытаясь опровергнуть теорию Кроун [Serjeant 1990: 474]). Вторая половина правления ан-Ну‘мāна (580–602) приходится на период смуты и борьбы за власть в Йемене в период между смертью персидского ставленника Сайфа б. Зū-Йазана (обычно говорят о правлении сына Абрахи, но конкретный ход событий ввиду отсутствия достоверных источников установить сложно) и установлением прямого персидского контроля около 599 г. Т.е. это период, когда жесткий персидский контроль над торговыми коммуникациями в направлении Византии, разумеется, был невозможен, хотя *систематическая* транзитная торговля с Византией, вероятно, уже была подорвана. Потому йеменские купцы оказались заинтересованы в продаже своих товаров в максимально близком пункте к Наджрану — в частности, в ‘Укāзе, а не в конечном пункте маршрута в Византии, как раньше (нарушение стабильной системы торговли и связанных с ней договоров существенно удорожало доставку товаров далекому конечному потребителю). Вышеупомянутый контекст указывает на то, что, возможно, смыслом этих «караванов» ан-Ну‘мāна была попытка в период антисасанидской «реставрации», повлекшей за собой временное прекращение торговли Йемена с Сасанидами, получить йеменские товары на старом «византийском» маршруте. В любом случае, товары, покупаемые для ан-Ну‘мāна в ‘Укāзе, не имеют отношения к собственно «мекканской торговле», поскольку никакие

ко становились объектами нападения кочевых арабов⁵⁴, что указывает, в частности, на расстройство в функционировании также и восточной («месопотамской») ветви «пути благовоний».

Таким образом, в интересующий нас период караваны с предметами роскоши по-прежнему были связаны с *йеменской* торговлей, направлявшейся через Лахмидов в сасанидский Иран, либо уже с в чистом виде *сасанидской* (имперской или лахмидской) торговлей. Что касается чисто аравийской «мекканской» торговли, то она описывается совершенно иначе.

Во-первых, источники указывают, что до создания системы *йлāф* Мекка не была важным межаравийским торговым центром и, таким образом, не имела никакого отношения к международной транзитной торговле. В рассказе об установлении *йлāф* Хашимом (со слов Ибн ал-Калби⁵⁵) об этом ясно сказано: «Из рассказа об *йлāфе* [известно], что курейшиты были торговцами, но их торговля не выходила за пределы Мекки (курсив мой. — А.М.)», куда к ним приезжали персидские (или «иностранные» — *ал-а'аджим*) купцы и торговали там [Ibn Ḥabīb, *al-Munatmaq*: 31]. Затем в источнике следует полуфольклорная история о поездке Хашима к «*Кайсару*» (т.е. к императору Византии) в Сирию (sic!)⁵⁶,

---

источники не указывают на то, что в 'Укāз эти товары привозили именно мекканцы — они были там такими же гостями, как и посланцы ан-Ну'мāна.

⁵⁴ Так, согласно «Дням Арабов», ограбление тамимитами караванов персидского наместника к «*Кисре*» привело к войне *Йаум ас Сафка*, нападения на караван ан-Ну'мāна со стороны бану 'Амир — к войне *Йаум ас-Суллāн*, а ограбление аналогичного каравана союзниками курайшитов послужило отправной точкой войны *Йаум ал-Фиджār*, в которой поучаствовал даже Мухаммад. Рассказ о войне *ал-Фиджār* — это едва ли не единственный случай упоминания *латīмы* в *Сире* Ибн Исхака / Ибн Хишама: мекканские и прочие караваны, как уже указывалось, именуется *'ир* или *ракб*.

⁵⁵ Ибн Хабиб в данном сочинении попеременно цитирует знатоков мусульманского предания и ранней мусульманской истории — Ибн ал-Калби (около 737 — 819 или 821) и его отца Мухаммада ал-Калби (около 685 — 763) [ЕГ², IV, 494–495].

⁵⁶ На «*Кайсару*» он произвел неизгладимое впечатление тем, что поливал *марақом* (густой мясной бульон) раскрошенные лепешки (отсюда и имя Хāшим — «ломающий», «крошащий»), а уже сверху клал куски мяса (это была особая похлебка-*сарīд*, готовить которую он научился у неких иностранных (персидских? — *ал-а'аджим*) купцов) [Ibn Ḥabīb, *al-Munatmaq*: 32]. Учитывать фольклорный характер истории о возникновении *йлāфа* особенно важно, так как это определяет эпический характер подачи материала. По сути, это мифологизированная история, своего рода миф о возникновении мекканской торговли, а не

после встречи с которым он получил разрешение на торговлю с Византией и гарантию безопасности для мекканцев, а на обратном пути заключил соглашения-*īlāf* с племенами, живущими вдоль сирийской дороги [Ibn Ḥabīb, *al-Munammāq*: 32].

Во-вторых, предметами торговли с Византией, о поставке которых Хашим договорился с «*Қайсаром*», названы вовсе не ладан, мирра или шелк (поэтому поиски следов торговли этими товарами в Аравии в принципе бессмысленны), а «кожи и одежды / ткани из Хиджаза» (*адам* (или *удум*)⁵⁷ *ал-хиджāз ва*

строго исторический рассказ. Отсюда проблемы с установлением датировок и действующих лиц этих «событий» (столь же проблематичные, как, например, в русских былинах, которые тоже базируются на реальных исторических событиях и в которых нередко участвуют реальные исторические персонажи). Совершенно очевидно, что с византийской стороны выступал не сам император-«*қайсар*»: может быть, византийский наместник в Бостре или чиновник более низкого уровня; однако и со второй, мекканской, «стороной договора» тоже далеко не все ясно.

⁵⁷ Сёрджент полагает, что в данном пассаже речь идет о некоем *udm*, «включающем в себя целый спектр значений — от шкур и кож, грубых предметов повседневного употребления, до красной кожи из Хаулāна, на которой сам Пророк писал и которая до сих пор поступает из северной части современного Йемена». Мне сложно судить, какую кожу сегодня вывозят с севера Йемена, но стандартное значение слова *удм* в средние века (и в этом плане я более склонен доверять Лэйну, опиравшемуся на арабские средневековые словари, к тому же обычно указывающему свои источники информации) — «что-либо, что едят вместе с хлебом», т.е. «заправка» к хлебу. Причем, как гласит пословица, «лучшая заправка к хлебу — уксус» [Lane: 1863–1893 I: 36] (с последним утверждением сложно спорить, если учесть, что халиф ‘Омар во время поездки в Сирию постановил выдавать каждому мусульманскому воину в день по две лепешки и «соответствующее количество уксуса и оливкового масла» в качестве той самой «приправы» [Al-Ya’qūbī II: 168]). Впрочем, *Лисāн ал-‘араб* к «заправкам» к хлебу относит и мясо. Однако встает резонный вопрос: какое отношение все это имеет к *адам/удум*, которые предлагал поставлять «*Қайсару*» Хашим?

Согласно *Лисāн ал-‘араб* — *удум* (либо собирает. *адам*) — это мн.ч. от *адīm*: любая кожа (*джилд*), в том числе «красная», «выдубленная», а также особым образом выделанная (более плотная), которую «используют для войны» [*Лисāн ал-‘араб*, 66: <http://www.alwaraq.net/Core/waraq/coverpage?bookid=89>]; чуть дальше, со ссылкой на Абū-л-Ғамра ал-А‘рабī, дается еще один, близкий вариант значения: «дорогая (*карīm*) кожа, толстая и хорошего качества». Примерно то же значение дает и *ал-Мухīt*, 1389 а: «кожа, красная кожа, дубленая кожа». Конечно, можно допустить, что Сёрджент в каком-то словаре нашел весь упомянутый им «спектр значений», к тому же относящийся к нестандартному варианту огласовок (*удм*), обычно имеющим другое значение), однако в таком случае хотелось бы знать

*сийāбуху*⁵⁸). Вероятно, речь здесь идет о *выделанной* коже и каких-то «домотканых» верхних одеждах (возможно, так же и тканях), наиболее вероятно, шерстяных — в отличие от дорогих одежд, производившихся в Йемене (а возможно и в Месопотамии), таких как, например, *қатйфа* — верхняя одежда / плащ из высококачественной ткани с коротким ворсом (типа бархата), часто упоминающаяся в числе «царских подарков»⁵⁹. В других историях, связанных с мекканской торговлей, упоминаются также мешки со стручками аравийской акации (*қараз*), которые использовались при дублении кожи, а также бурдюки с топленным маслом (*самн*) и домашним сыром (*акит*).

Получение мекканцами разрешения от византийцев (разумеется, от региональных сирийских властей, а не от самого императора-«*қайсара*», находившегося в Константинополе, а не в Сирии) торговать своими товарами в Сирии исторически вполне возможно. Кроме того, не исключен и более конкретный смысл данного соглашения, который предположила Кроун: заключение договора о поставке кожаных и шерстяных изделий для нужд византийской армии в Сирии [Crone 2007] (возможно, для нужд пограничных византийских войск, расквартированных в Бостре еще со времен Александра Севера, сделавшего этот город центром провинции Аравия, где, в частности, был размещен Третий Киренаикский легион). В последнем случае интенсификация мекканской торговли, собиравшей с территории Хиджаза и поставлявшей необходимые византийским военным властям товары, уже не может вызывать удивления даже у самых скептически настроенных авторов. Конечно, эти товары поставляли и соседние кочевники, однако едва ли они могли обеспечить все нужды

где именно. В противном случае его филиппика по поводу неких значений «*удм*», не учтенных Кроун, выглядит не очень убедительно.

⁵⁸ Скорее, именно «из Хиджаза», а не «хиджазские», так как здесь указано место откуда они происходят, а не какой-то *особенный* «локальный продукт», названный по месту производства, в противном случае, скорее всего, было бы применено имя относительное — «*ал-хиджāзй*». Разумеется, для передачи такого смысла, теоретически, могла быть использована и *идафа*, но это более редкий вариант. В данном контексте очевидно, что речь идет о товарах, которые будут поставляться *из Хиджаза*.

⁵⁹ См. например, историю в *Йаум Ман'идж* [Аравийская старина 1983: 121; Ibn 'Abd Rabbihī, *al-'Iqd al-farīd*: 795].

армии (отметим, что даже армейские палатки изготавливались из кожи, а не из ткани; из кожи делались и широко использовавшиеся на Ближнем Востоке кожаные панцири⁶⁰).

Как уже указывалось, организованная курайшитами торговля основывалась на системе договоров-*йлāф* с племенами, по чьей территории проходили мекканские караваны: за право прохода по своей территории (и обеспечение безопасности) племена получали свою долю прибыли. Вероятно, аравийские участники торговли отправляли с курайшитами в Сирию свои товары (по всей видимости, аналогичные мекканским — шкуры, выделанная кожа, шерстяные изделия) и заказывали необходимые им византийские товары, которые получали уже на обратном маршруте. При умелом ведении торговли маржа могла быть достаточно значительной, не только покрывая все расходы на транспортировку товаров, но и оставляя заметную прибыль для организаторов торговли — курайшитов. При не слишком умелом ведении дел или излишней честности (обычно торговец стремится приуменьшить полученный доход от продажи товаров клиента и преувеличить свои расходы при покупке заказанных товаров) прибыль едва покрывала расходы, что мы и видим в случае с торговыми операциями самого Мухаммада после женитьбы на Хадидже: в самостоятельной торговле Мухаммад не преуспел. Отметим, что сам Мухаммад вовсе не был бестолковым или неопытным человеком, поскольку изначально был нанят Хадиджей в качестве приказчика, способного вести ее дела, т.е. к этому времени он уже имел репутацию хорошего «специалиста». Однако сама природа мекканской торговли не подразумевала сверхприбылей, сходных с теми, которые в предшествующий период обеспечивала древняя транзитная торговля ладаном и другими экзотическими «восточными товарами». Собственно, «сверхприбыли» она давала ее организаторам, но плата за проход по племенной территории, а также местная торговля, связанная с перераспределением доставляемых транзитными караванами товаров (какая-то часть перевозимых ППП оставлялась ими на полуострове), обеспечи-

---

⁶⁰ См., например, статью Д. Николя о кожаных доспехах из Дамаска, хотя и относящихся к более позднему времени, но продолжавших давнюю традицию [Nicolle 2013: 87–117]; ранние (не позднее середины III в. н.э.) фрагменты таких доспехов известны из раскопок в Дура-Европосе.

вала значительную часть потребностей Аравии, причем все это не требовало значительных усилий от кочевников. «Локальная» же торговля мекканского типа требовала особой изворотливости (не случайны коранические инвективы относительно «обмеривающих и обвешивающих», к которым сам Мухаммад, очевидно, не относился) и частых поездок (наиболее стандартный сирийский маршрут занимал приблизительно два месяца в оба конца плюс время для продажи / покупки товаров, т.е. полный торговый цикл мог быть завершен примерно за три месяца), позволявших повысить прибыль за счет скорости «оборота капитала», вернее, не капитала в современном значении, а вовлеченных в торговлю ресурсов в широком смысле — как материальных, так и «транспортных» (верблюды) и людских.

Наличие стартового «капитала» в виде средств транспортировки (верблюдов) позволяло, используя лишь свой собственный «трудовой ресурс» (верблюды не требуют дополнительных расходов на прокорм), обеспечивать доставку товаров в любую точку степной Аравии практически бесплатно: главным «источником расходов» прежних «транзитных» караванов была оплата безопасного прохода по племенной территории, что и было решено системой *йльāф*. Более того, обеспечение безопасности за счет договоров позволило сократить число сопровождающих караван, тем самым значительно сократив расходы на транспортировку товаров. Так, мекканский караван из 1000 верблюдов и стоимостью в 50 тыс. динаров, который пытался перехватить Мухаммад у колодцев Бадр, сопровождало всего 70 человек. При учете известной нам платы, полученной Мухаммадом (четыре молодых верблюда), максимальная стоимость «рабочей силы» составляла 280 верблюдов, или около 1400 динаров⁶¹, т.е. 2,8 % от стоимости доставляемых товаров. Это немного, особенно если учесть, что заметную часть сопровождающих составляли сами хозяева товаров, которым платить за доставку было не нужно. Главные «расходы» подобной торговли заложены в «риски», т.е. возможность потерять товар, в первую очередь вследствие грабежа. Система *йльāф* снижала эти риски до минимума. Все это вместе взятое

⁶¹ Стоимость овцы составляла 4–5 дирхемов, или около 0,5 динара, при расчете добычи один верблюд приравнивался к десяти овцам [Большаков 1989: 230, прим. 54], т.е. стоимость одного верблюда составляла около 5 динаров.

вполне убедительно объясняет экономический смысл и причину рентабельности «мекканской торговли», в чем бесосновательно усомнилась П. Кроун.

Таким образом, при правильной постановке вопроса «мекканская торговля» становится тем, чем она и представлена в источниках, включая Коран: не придуманная арабистами по аналогии с предшествующим периодом международная транзитная торговля предметами роскоши, а региональная аравийская торговля, обеспечивавшая пропитание курайшитам и одновременно дававшая определенный доход их партнерам по договорам-*йлāф*.

В плане «локализации» следует отметить, что хорошо документировано только сирийское направление. Истории о поездках братьев Хашима к «царям Йемена», «царю Хабаша» (в Эфиопию) и в Ирак к «Кисре» (т.е. сасанидскому шаханшаху) и выстраивании на обратном пути системы договоров-*йлāф* с племенами [Ibn Ḥabīb, *al-Munatṭaq*: 32] очевидно легендарны. Это типичный пример «редупликации» одного сюжета, в данном случае — вышеупомянутой поездки Хашима к «*Кайсару*». Характерно, что в рассказе о поздке 'Абд Манафа в Йемен он тоже, как и Хашим, на *обратном пути* заключает с аравийскими племенами договоры-*йлāф*, хотя при этом умирает в... Радмане в Йемене, т.е., судя по всему, так из Йемена и не выехав (вообще большинство братьев Хашима повторяют его судьбу, скоростижно умирая в торговых поездках, что указывает на следование некому изначальному паттерну). Чрезвычайный разноречивостью источников по этому вопросу исчерпывающе показал Большаков: «Насколько неясна была даже ранним арабским историкам роль каждого из братьев, свидетельствует, например, такой разноречивостью в сведениях: ал-Балазури сообщает (со слов Ибн ал-Калбй), что Хашим заключил соглашение с «царями Сирии», Абдшамс — с «владыкой Хабаша», ал-Мутталиб — с царями Йемена, а Науфал — с «царями Ирака» [Балазури, *Ансаб ал-ашраф*: 59; Ибн Са'д I, ч. 1: 45; ал-Кала'и: 207–209], а в анонимном «Нихайат ал-араб» [Kister 1972: 61–62] Хашим один заключает соглашение с йеменцами, едет к эфиопскому правителю Абрахе ал-Ашраму, договаривается в Сирии с Джабалой б. ал-Айхамом и сасанидским царем Кубазом (Кавад I: 488–531 гг.). В последнем сообщении бросаются в глаза анахронизмы — Джабала б. ал-Айхам — современник Мухаммеда и дожил до 40-х годов VII в., Абраха был правителем Йемена, а не Эфиопии» [Большаков 1989 I: 232].

Разумеется, торговая деятельность мекканцев не исключала и отдельные поездки в Йемен⁶² для приобретения особо необходимых товаров, например благовоний, правда, судя по упоминаниям в источниках, приобретался не сам ладан, а уже готовые духи (*ṭīb*), вероятно, аналогичные тем масляным смесям, что и сегодня широко используются в Йемене. Однако количество привозимых в кочевую Аравию духов было, очевидно, не слишком велико, поскольку духи во времена Мухаммада были исключительно дороги. В этом плане характерна история о том, как Али перед свадьбой с Фатимой, продав по совету Мухаммада имевшуюся у него кольчугу, треть или две трети вырученных средств (480 дирхемов) потратил на духи, а остальное — на обзаведение домашним хозяйством [Fāṭima: E1², II, 842]. К упомянутым цифрам, разумеется, следует относиться с осторожностью, однако сам масштаб суммы указывает на их исключительную дороговизну, очевидно обусловленную нехваткой в Аравии подобных товаров, относящихся к категории ППП. Такой «товарных дефицит» при наличии достаточных денежных средств у потенциальных покупателей указывает на нарушение системы поставки товаров, производимых оседлыми соседями, тем самым косвенно подтверждая факт остановки традиционной трансаравийской торговли. На нехватку ППП, производимых в частности в Йемене, указывают и упоминавшиеся выше условия договора с жителями Наджрана: дань мусульманам («закят») выплачивалась в высококачественных йеменских «одеждах», а не деньгами.

Вероятно, в реальности торговля с Южной Аравией была эпизодической, ограничиваясь примыкающими к Йемену окраинными регионами, такими как Асир. Регулярные же «зимние поезд-

---

⁶² Едва ли южнее Наджрана — торговых ворот Южной Аравии (в истории о «зимних и летних поездках ал-Калби вообще эксплицитно упомянуты лишь еще более северные пункты в Асире и Джизане, которые примыкают к Наджрану с севера [Ibn Ḥabīb, al-Munammaq: 262]). Хотя конечно, нельзя исключить и посещения отдельными купцами Адена, как мы не можем в полной мере отвергнуть информацию источников о том, что, например, 'Амр б. ал-'Ас в период *джахилии* бывал в Египте, что и обусловило его решение отправиться на завоевание этой страны в 641 г., однако доказать правдивость подобных рассказов тоже не представляется возможным; в любом случае, даже если такие поездки «к океану» и имели место, то их коммерческое и тем более общеэкономическое значение было ничтожно.

ки» (*рихлат аш-шитā*) курайшитов в Йемен были созданы позже — воображением «толкователей», пытавшихся объяснить смысл «зимних и летних поездок», упомянутых в Коране (CVI: 1–2). Описываемые источниками события существования южного маршрута торговли не подтверждают: военные походы-*газвы* и набеги-*сариййи*, направленные против мекканских караванов, Мухаммад организовывал в течение *всего* года, оставаясь в счастливом неведении о том, что зимой мекканцы ездят только в Йемен. Мекканцы, правда, в то время о главном направлении своих зимних торговых поездок тоже еще не знали, поэтому, например, знаменитая битва при Бадре произошла в начале марта, когда огромный «зимний» караван в 1000 верблюдов, в организацию которого вложились все мекканцы, возвращался в Мекку... из Газзы. То есть «зимняя поездка» была направлена в ту же Сирию, а не в Йемен, как полагали комментаторы Корана.

Также источники не дают никаких указаний и на интенсификацию мекканской торговли с Южной Аравией (и вообще о какой-либо регулярной торговле с Йеменом в этот период) в условиях угрозы перехвата северных караванов Мухаммадом, что было бы логично, если бы регулярная торговля в этом направлении действительно существовала. Даже после начала открытых военных действий курайшиты по-прежнему направляли свои караваны по северному маршруту, на котором они неизменно подвергались атакам со стороны отрядов Мухаммада. Разумеется, это не означает, что мекканцы были столь наивны, что не понимали грозящей их торговле опасности. Вовсе нет, они всячески пытались предотвратить эту угрозу, выбирая нестандартные, сложные маршруты, чтобы избежать встречи с Мухаммадом и его «рейдерами». В принципе такие меры могли быть и достаточно эффективными: так, перехват каравана с серебром, который мекканцы направили по такому нестандартному безводному маршруту в середине ноября 624 г. уже после битвы при Бадре, мусульманам удалось перехватить лишь случайно: один из знавших о караване бедуинов спьяну проболтался об этом, и мусульмане узнали о замысле курайшитов [Большаков 1989: 110]. Единственное, что мекканцам так и не пришло в голову, — это снарядить «традиционный» караван вместо опасного севера на юг, в Йемен.

Что касается месопотамского направления, то история поездки одного из братьев к «Кисре» (и соответственно, установление

стабильного маршрута из Мекки в Ирак) опровергается, в частности, последующими войнами вокруг караванов ан-Ну‘мāна (580–602), отправляемых в Хиджаз на ярмарку в ‘Укāзе (достаточно вспомнить упомянутые выше войны *ал-Фиджār*, в одной из которых принимал участие и юный Мухаммад). Из контекста видно, что при ан-Ну‘мāне никаких мекканских (и вообще аравийских) караванов в Хиру не отправлялось, иначе лахмидскому правителю не пришлось бы пытаться самому наладить эту торговлю. Еще более однозначно на отсутствие подобного маршрута в VI в. указывает история о существенно более поздней по времени поездке Абу Суфйāна к «*Кисре*», причем с участием реальных лиц, а не полуполюгендарного предка-эпонима хашимитов (очевидно, что это произошло уже в начале VII в.). Из повествования хорошо видно, что Абу Суфйāн *впервые* направил мекканский караван в Месопотамию и очень боялся за исход всего мероприятия. В дошедшем до нас рассказе о Ғайлāне б. Саламе, который отправился к «*Кисре*» вместе с Абу Суфйāном и благодаря своему уму и красноречию сумел добиться у «*Кисры*» разрешения продать ему привезенные из Мекки товары, которые тот и приобрел у мекканцев за «двойную цену», сообщается, в частности, что в начале поездки Абу Суфйāн предупредил своих спутников:

«В этой нашей поездке мы поистине подвергаемся опасности, [поскольку] мы идем к могущественному царю, который не давал нам разрешения приходить к нему, а его страна не является для нас местом торговли (*матджар*). Так что если кто из вас поедет с караваном (*йр*) и его постигнет беда, то мы не повинны в его крови, но если он преуспеет, то ему причитается половина прибыли» [ал-Исфāхāнī, *Китāб ал-Азāнī*: XIII, 2496].

Так что даже во времена Абу Суфйāна вопрос стоял еще только о первой *попытке* установить связи с Месопотамией.

Таким образом, очевидно, что в сторону Сирии (главным рынком здесь была византийская Бостра / Бусра, до Газы, по видимому, добирались далеко не всегда) мекканцы систему *йлāф* выстроили в полной мере (не случайно в жизнеописании Мухаммада торговая активность мекканцев представлена именно в сирийском направлении). В сторону Ирака — лишь начали выстраивать, хотя не вполне ясно, в какой мере им удалось установить

стабильные торговые связи с Месопотамией (наличие эпизодических контактов в первой четверти VII в., судя по вышеупомянутой истории Абу Суфйана, сомнений не вызывает, но вероятнее все же, что северо-восточное направление контактов обычно ограничивалось Йамамой, откуда Мекка получала зерно). В сторону Йемена и Эфиопии — не до конца понятно: скорее, это был несколько иной, еще более нерегулярный процесс. Это могли быть отдельные поездки скромного масштаба, несопоставимые с сирийскими, либо какие-то особые контакты в условиях кризиса. Например, когда посланцы Мухаммада вели переговоры с эфиопским «негусом» о переселении мусульман в период «первой хиджры», или когда случился упомянутый ал-Калби голод: тогда мекканцев обеспечивали продовольствием жители Табāлы на севере Асира — по суше и примыкающей к ней части йеменской Тихамы (вероятно, Джизана) — морем [Ibn Ḥabīb, *al-Munatmaq*: 262]. Сама история и ее контекст не очень понятны, но в любом случае речь идет об одиночном, исключительном эпизоде. Возможно, это был какой-то особенно засушливый год, когда хлеб не уродился в традиционной житнице кочевой Аравии — Йамаме.

Роль Йамамы в снабжении Мекки наглядно видна из истории «О пленении Сумāмы б. Усала ал-Ḥанафй и принятии им ислама» [Ibn Hishām II: 996–998]. Сумāма, один из двух правителей Йамамы в 620-е годы, прибыл в Мекку в малое паломничество, где его, обнаружив, что он мусульманин, курайшиты хотели убить. Однако когда ему уже собирались отрубить голову, один из мекканцев остановил других: «Оставьте его! Воистину вы нуждаетесь в том, чтобы Йамама обеспечивала вас пищей (*ит'āмукум*)». И тогда его отпустили. В другом варианте этой истории Сумāма заявляет: «Клянусь Богом, к вам не поступит ни одного зернышка из Йамамы, пока не позволит это Посланник Божий». После чего Сумāма запретил поставлять зерно в Мекку, пока курайшиты не испросили у Мухаммада дозволения восстановить поставки [Ibn Hishām II: 997–998]. Все это говорит о колоссальной значимости хлеба из Йамамы для существования Мекки, вопреки традиционному представлению о том, что зерно поступало курайшитам с помощью коранических «двух караванов» — из Йемена зимой, а из Сирии летом. К сожалению, реальные *исторические события* времен Мухаммада этой красивой интерпретации, предложенной экзегетами, не подтверждают.

Источники

- Абу-л-Фарадж ал-Исфахани*. Книга песен. М., 1980.
- Аравийская старина. Из древней арабской поэзии и прозы / Отв. ред. Б.Я. Шидфар. М.: Наука, ГРВЛ, 1983.
- Белова А.Г.* Этимологический словарь древнеарабской лексики (на материале избранных текстов доисламской поэзии). Вып. I. М.: ИВ РАН, 2012.
- Беовульф*. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах: Пер. А.И. Корсуна, прим. М.И. Стеблин-Каменского. М.: Художественная литература, 1975. (БВЛ. Т. 9)
- Полосин Вл.В.* Словарь поэтов племени 'абс (VI–VIII вв.) / Отв. ред. А.Б. Халидов. М.: Восточная литература, 1995.
- Прокопий Кесарийский*. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., ст., комм. А.А. Чекаловой. Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М.: Наука, 1993.
- Рашид-ад-дин*. Сборник летописей. Т. I, кн. 2. М.; Л.: 1952.
- Abū-l-Faradj al-Isfahānī*. Kitāb al-Aghānī. Cairo: Dār al-Kutub, 1927–1974. (24 vols.).
- Abū-l-Faradj al-Isfahānī*. Kitāb al-Aghānī (интернет-издание на сайте www.al-mostafa.com).
- Al-Balādhurī*. Ansāb al-ashrāf. Ed. Muḥammad Ḥamīdullah. Cairo, 1959.
- Al-Fayrūzābādī*. Al-Qamūs al-Muḥīṭ. Beirut: Mu'assasat al-risala, 1986.
- Al-Ya'qūbī*: Historiae Ibn Wadhīh qui dicitur al-Ja'qubī. Ed. M.Th. Houtsma. Pars 1-2. Lugduni Batavorum, 1883.
- Ibn al-Athīr*. Al-Kāmil fī al-ta'rīkh. Beirut, 1983. 9 vols.
- Ibn Ḥabīb*. Kitāb al-Munammaq. Ed. Kh.A. Fāriq. Hyderabad, 1964.
- Ibn Hishām*: Das Leben Muhammed's nach Muhammed Ibn Ishak bearbeitet von Abd el-Malik Ibn Hisham... Hrsg. von F. Wüstenfeld. Bd. 1–2. Gottingen, 1858–1860.
- Ibn 'Abd Rabbihi*. Al-'Iqd al-farīd. (Интернет-издание на сайте www.al-mostafa.com).
- Ibn al-Manzūr*. Lisān al-'arab. Cairo: Bulaq, 1883-1990.
- Ibn Sa'd*: *Ibn Saad*. Biographien Muhammeds, seiner Gefährten und der späteren Träger des Islams. Hrsg. von E. Sachau. Bd. 1-9. Leiden, 1905–1921.
- Al-Kalā'ī*. Kitāb al-iktifā'. Ed. par H. Massé. Alger-Paris, 1931. (Bibliothéca arabica publié par la faculté des lettres d'Alger).

Al-Yāqūt: Jacut's Geographisches Wörterbuch, ed. F. Wüstenfeld. Leipzig, 1866–1873.

Lane E.W. Arabic–English Lexicon. L., 1863–1893. [Reprint: Cambridge, UK: Islamic Texts Society, 1984. 2 vol.].

Библиография

Барфилд Т.Дж. Опасная граница. Кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. — 1757 г. н.э.). Пер. с англ. Д.В. Рухлядева, В.Б. Кузнецова; науч. ред. и предисл. Д.В. Рухлядева. СПб.: ф-т филологии и искусств; Нестор-История, 2009. (Сер. «Nomadica»).

Большаков О.Г. История халифата. Т. I. Ислам в Аравии, 570–633. М.: Наука, ГРВЛ, 1989.

Большаков О.Г. История халифата. Т. II. Эпоха великих завоеваний, 633–656. М.: Наука, ГРВЛ, 1993.

Бухарин М.Д. Аравия, Восточная Африка и Средиземноморье: торговые и историко-культурные связи. М.: Восточная литература, 2009.

Грязневич П.А. Ислам и государство (к истории государственно-политической идеологии раннего ислама) // Ислам: Религия, общество, государство / Отв. ред. П.А. Грязневич, С.М. Прозоров. М.: Наука, ГРВЛ, 1984 а. С. 189–203.

Грязневич П.А. К вопросу о праве на верховную власть в мусульманской общине в раннем исламе // Ислам: Религия, общество, государство / Отв. ред. П.А. Грязневич, С.М. Прозоров. М.: Наука, ГРВЛ, 1984 б. С. 161–174.

Грязневич П.А. Проблемы изучения истории возникновения ислама // Ислам: Религия, общество, государство / Отв. ред. П.А. Грязневич, С.М. Прозоров. М.: Наука, ГРВЛ, 1984 с. С. 5–18.

Губанов И.Б. «Призвание варягов» в свете социально-исторических аналогий, внешнеполитической ситуации в Европе IX века и археологических материалов из городищ Любши, Старой Ладоги, Псковского и Рюрикова городища // Скандинавские чтения 2012 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты / Отв. ред. Т.А. Шрадер. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 33–41.

История Востока. Т. II: Восток в Средние века. М., 1995.

Коротаев А.В. Сабейские этюды. М.: Восточная литература, 1997.

Коротаев А.В., Клименко В.В., Прусаков Д.Б. Возникновение ислама. М.: ОГИ, 2007.

Крадин Н.Н. Актуальные проблемы истории Монгольской империи // Исторический вестник. Т. 10 (157). 2014. Монгольские завоевания и Русь. С. 10–42.

- Кузьмин С.Л.* От Скифии к России. М.: Высшая школа, 2004.
- Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе: историко-археологические очерки. Л., 1985.
- Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.
- Лундин А.Г.* Государство мукаррибов Саба' (сабейский эпонимат). М.: Наука, ГРВЛ, 1971.
- Матвеев А.С.* Трансаравийская торговля ладаном в кон. I тыс. до н.э. — нач. I тыс. н.э.: морской и сухопутный пути // Доклад на XXXIV ежегодной сессии петербургских арабистов, ИВР АН, СПб., 9–11 апреля 2012.
- Матвеев А.С.* Международная транзитная торговля и миссия Мухаммада: о причинах возникновения ислама и государства в Аравии // Азия и Африка в меняющемся мире. XXVIII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 22–24 апреля 2015 г.: Тез. докл. / Отв. ред. Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. СПб.: ВФ СПбГУ, 2015 а. С. 43–44.
- Матвеев А.С.* Кочевники Евразийских степей и Ближнего Востока: сходство и различие // Азия и Африка в меняющемся мире. XXVIII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 22–24 апреля 2015 г.: Тез. докл. / Отв. ред. Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. СПб.: ВФ СПбГУ, 2015 б. С. 337–339.
- Монгольская империя и кочевой мир / Ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова. Кн. 1–3. Улан-Удэ, 2004–2008.
- Негря Л.В.* Общественный строй Северной и Центральной Аравии в V–VII вв. М.: Наука, ГРВЛ, 1981.
- Пигулевская Н.В.* Византия на путях в Индию. М.; Л., 1951.
- Пиотровский М.Б.* Мухаммед, пророки, лжепророки, кахины // Ислам в истории народов Востока. М.: Наука, ГРВЛ, 1981. С. 9–18.
- Пиотровский М.Б.* О природе власти Мухаммада // Государственная власть и общественно-политические структуры в арабских странах (История и современность). М.: Наука, 1984. С. 6–11.
- Пиотровский М.Б.* Южная Аравия в раннее средневековье. М.: Наука, ГРВЛ, 1985.
- Резван Е.А.* Коран и его мир. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001.
- Уотт У.М.* Мухаммад в Медине. М.; СПб.: Диля, 2007.
- Уотт У.М.* Мухаммад в Мекке. М.; СПб.: Диля, 2006.
- ʿAwāna b. al-Ḥakam al-Kalbī* // EI², I, 759 (Saleh El-Ali).
- Barfield T.J.* The Perilous Frontier. Nomadic Empires and China. Cambridge, Mass., 1989.

- Beeston A.F.L.* The Arabian Aromatics Trade in Antiquity // Proceedings of the Seminar for Arabian Studies, A.F.L. Beeston at the Arabian Seminar and other papers (2005). P. 53–64.
- Becker C.H.* Der Islam als Problem Die Ausbreitung der Araber im Mittelmeergebiet // C.H. Becker. Islamstudien: vom Werden und Wesen der islamischen Welt. Bd. I. Leipzig: Quelle und Meyer, 1924. P. 1–23.
- Becker C.H.* Chapters 11: The Expansion of the Saracens // H.M. Gwatkin et al. (eds.). The Cambridge Medieval History. Cambridge: Cambridge University Press, 1913. Vol. 2. P. 329–364.
- Bousquet G.-H.* Observations sur la nature et les causes de la conquête arabe // Studia Islamica. 1956. No. 6. P. 37–52.
- Bu'āth // EI², I, 1283. (Bosworth C.E.).
- Bukharin M.D.* Mecca on the Caravan Routes in Pre-Islamic Antiquity // The Qur'ān in Context. Leiden: Brill, 2011. P. 115–134.
- Butzer K.W.* Der Umweltfaktor in der grossen arabischen Expansion // Saeculum. 1957. 8. P. 359–371.
- Canard M.* L'expansion arabe: le problème militaire // L'Occidente e l'Islam nell'alto Medioevo (Settimane di Studio del Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo (12), 2–8 April 1964). Spoleto: 1965. Vol. I. P. 37–63.
- Crone P.* Meccan trade and the rise of Islam. Princeton: Princeton University Press, and Oxford: Blackwell, 1987.
- Crone P.* Quraysh and the Roman army: Making sense of the Meccan leather trade // Bulletin of SOAS. 2007. 70, 1. P. 63–88.
- Crone P.* Serjeant and Meccan Trade // Arabica. 1992. T. XXXIX. P. 216–240.
- De Maigret Alessandro, The Frankincense Road from Najrān to Ma'īn: a Hypothetical Itinerary // Profumi d'Arabia /Ed. by A. Avanzini. Rome, 1997. P. 315–332.
- Donner F.M.* The Early Islamic Conquests. Princeton: Princeton University Press, 1981.
- Donner F.M.* Introduction: The Expansion of the Early Islamic State // The Expansion of the Early Islamic State. Ed. by Fred M. Donner. Aldershot: Ashgate Publishing Company, 2008 a. P. 13–42.
- Donner F.M.* (ed.). The expansion of the early Islamic state. Aldershot: Ashgate Publishing Company, 2008 b. (The Formation of the Classical Islamic World. Gen. ed. Lawrence I. Conrad. Vol. 5).
- Fāṭima* // EI², II, 841–850. (L. Veccia Vaglieri).
- Fidjār* // EI², II, 883–884 (J.W. Fück).
- Fletcher J.* The Mongols: Ecological and Social Perspectives // HJAS. 1986. Vol. XLVI. No. 1 P. 11–50.

- Gabrieli F.* Muhammad and the Conquests of Islam. N.Y.: McGraw Hill, 1968.
- Glanzman W.D.* The Kingdoms of Ancient Arabia, written by J.B. Wiener. <http://etc.ancient.eu/interviews/the-wealthy-kingdoms-of-ancient-arabia/> Опубликовано 8.08.2014.
- Hamidullah M.* Al-Ilaf, ou les rapports economico-diplomatiques de la Mecque pre-islamique // Melanges Massignon. Vol. II. Damascus, 1957. P. 293–391.
- Heck G.W.* Arabia without Spices: An Alternate Hypothesis // Journal of the American Oriental Society. 2003. Vol. 123. No. 3. P. 547–576.
- Ḥimā* // EI², III, 393. (J.Chelhod).
- Al-Kalbī* // EI², IV, 494–495.
- Khazanov A.* Muhammad and Jenghiz Khan Compared: The Religious Factor in World Empire Building // Comparative Studies in Society and History: An International Quarterly. 1993. Vol. 35. No. 3. P. 461–479.
- Kinda* // EI², V, 118–120. (A.F.L Beeston., I. Shahid).
- Kister M.J.* Some reports concerning Mecca: From Jāhiliya to Islam // JESHO. 1972. Vol. 15. No. 1/2. P. 61–93.
- Kulayb b. Rabī'a* // EI², V, 362. (G. Levi Della Vida).
- Lammens H.* Le Berceau de l'Islam, l'Arabie occidentale à la veille de l'hégire. Vol. I. Le climat — Les bédouins. Rome: Pontificii Institutii Biblici, 1914.
- Lammens H.* La Mecque à la veille de l'Hégire. Beyrouth, 1924.
- Lammens H.* La république Marchande de la Mecque vers l'an 600 de notre ère // Bulletin de l'Institut Egyptien. 1910. 5th Series, No. 4. P. 23–54.
- Lapidus I.M.* Tribes and State Formation in Islamic History // Tribes and State Formation in the Middle East / Ed. by Ph.S. Khoury, J. Kostiner. Berkeley; Los Angeles, US; Oxford, UK: University of California Press, 1990. P. 25–47.
- Makka* // EI², VI, 144–147 (W.M. Watt).
- Matveev A.* Hunting Arabia Felix: Politics of the Byzantines, Sasanids, Ethiopians and Arabs in South Arabia in the VI C // International Symposium on the Historical Relations between Arabia, the Greek and Byzantine World (5th C.BC — 10th C.). Riyadh, Saudi Arabia, 6–9 December 2010. (Abstracts). P. 12–13.
- Nicolle D.* Leather Armour in the Islamic World: a Classic Problem // «Тахийят»: Сборник статей в честь Н.Н. Дьякова. Арабистика — Исламоведение — Этнография. / Сост. И.В. Герасимов, А.С. Матвеев; ред. А.С. Матвеев. СПб., 2013. С. 87–117.
- Rezvan E.* The *Qur'an* and Its World: IV. "Raise Not Your Voices above the Prophet's Voice" (Society, Power and Etiquette Norms) // Manuscripta Orientalia. 1997. Vol. 3. No. 4. P. 35–44.

- Rodinson M.* Bilan des études mohammadiennes // *Revue Historique*. 1963. T. CCXXIX. P. 169–220.
- Saunders J.J.* The Nomad as Empire-builder: A Comparison of the Arab and Mongol Conquests // *Muslims and Mongols*. Christchurch, NZ, 1977. P. 36–66.
- Serjeant R.B.* Haram and Hawtah, the sacred enclave in Arabia // *Melanges Taha Husain*. Le Caire, 1962. P. 41–58.
- Serjeant R.B.* Meccan Trade and the Rise of Islam: Misconceptions and Flawed Polemics // *JAOS*. 1990. Vol. 110. No. 3. P. 472–486.
- Simon R.* A mekkai kereskedelem kialakulása és jellege. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1975.
- Simon R.* Meccan trade and Islam: problems of origin and structure. (Tr. by Feodora Sos). (Bibliotheca Orientalis Hungarica. Vol. XXXII). Budapest: Akadémia Kiadó, 1989.
- Shaban M.A.* Islamic History: A New Interpretation. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. Vol. 1, A.D. 600–750 (A.H. 132).
- Tibi B.* The Simultaneity of the Unsimultaneous: Old Tribes and Imposed Nation-States in the Modern Middle East // *Tribes and State Formation in the Middle East* / Ed. by Ph.S. Khoury, J. Kostiner. Berkeley; Los Angeles, US; Oxford, UK: University of California Press, 1990. P. 127–152.
- Tribes and State Formation in the Middle East* / Ed. by Ph.S. Khoury, J. Kostiner. Berkeley; Los Angeles, US; Oxford, UK: University of California Press, 1990.
- Wansbrough J.* Review: Róbert Simon: Meccan trade and Islam: problems of origin and structure. (Bibliotheca Orientalis Hungarica, Vol. xxxii.) 206 p. Budapest: Akadémia Kiadó, 1989 // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1990. Vol. 53. No. 3 P. 510–511.
- Watt W.M.* Muhammad at Medina. Oxford: Oxford University Press, 1956.
- Watt W.M.* Economic and Social Aspects of the Origin of Islam // *The Islamic Quarterly*. 1954. Vol. I. No.2. P. 90–103.